

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

С. С. Казаров

**ПРОФЕССОР РОСТОВСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ИВАНОВ:
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО**

Монография

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2019

УДК 378.111+001(035.3)

ББК 72.6ф я7

К14

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *А. Ф. Потапьев*;

доктор исторических наук, профессор *Н. Н. Болгов*

Казаров, С. С.

К14 Профессор Ростовского Педагогического института Алексей Иванович Иванов: жизнь и творчество : монография / С. С. Казаров ; Южный Федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2019. – 96 с. ISBN 978-5-9275-3046-5

В книге рассматривается научная и педагогическая деятельность краеведа и историка Церкви профессора Ростовского педагогического института и Ленинградской Духовной Академии профессора А. И. Иванова (1890–1976). Книга основана на широком архивном материале, который вводится в научный оборот впервые.

Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся историей исторической науки.

Публикуется в авторской редакции.

УДК 378.111+001(035.3)

ББК 72.6ф я7

ISBN 978-5-9275-3046-5

© Южный федеральный университет, 2019

© Казаров С. С., 2019

СОДЕРЖАНИЕ

К истории одного поиска. Вместо введения	4
Глава I. Годы учения. Первые шаги в науке	7
Глава II. На родной Владимирщине (1921–1932)	9
Глава III. А. И. Иванов в Ростове-на-Дону (1932–1943)	36
Глава IV. Под покровительством РПЦ. Завершающий период преподавательской и научной деятельности (1949–1976)	58
Заключение	88
Список литературы	91

К ИСТОРИИ ОДНОГО ПОИСКА. ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Порой, бывает так, что случайно брошенная фраза, мимоходом упомянутое имя становятся предметом научного поиска, а нередко – и целого научного исследования, вывода из мрака неизвестности давно забытые имена. Такое имело место и в нашем случае.

Однажды беседа со старейшей, но, увы, уже ушедшей в иной мир преподавательницей нашего университета Натальей Васильевной Бакулиной (причем беседа касалась совсем другого персонажа), я услышал от неё имя, которого ранее никогда не слышал: профессор Алексей Иванович Иванов, заведующий кафедрой Всеобщей истории Ростовского Педагогического института в предвоенный период.

Кто это? Чем он занимался? Эти вопросы мгновенно возникли в моей голове. Мой интерес подогревало и то, что образ А. И. Иванова, нарисованный Натальей Васильевной, выглядел далеко не идеальным.

Вторым человеком, который вольно или невольно явился инициатором моих научных поисков, стала Ксения Михайловна Антич, ур. Миллер, дочь коллеги А. И. Иванова по Ростовскому Педагогическому институту Михаила Александровича Миллера (1889–1968). Из нашего порой трудного общения с ней передо мной стал вырисовываться совсем иной образ будущего героя, и я посмотрел на Алексея Ивановича совсем другими глазами.

Два противоположных взгляда, две абсолютно разные позиции. Кто прав? Ответ на этот вопрос могло дать только объективное, беспристрастное, *sine ira et studio*, основанное на источниках исследование жизненного пути А. И. Иванова.

Чтобы по новой не изобретать велосипед, я начал знакомиться с той литературой, которая по интересующей меня теме была издана ранее. И ради

справедливости должен заметить, что А. И. Иванов был довольно известной фигурой, не обойденной вниманием ряда исследователей. Не могу не отметить статьи В. Б. Бронского¹, Д. А. Карпуна², Н. Д. Максимовой³, но все они рассматривали лишь отдельные периоды жизни и научно-педагогической деятельности нашего героя и, естественно, использовали только те источники, которые оказались на тот момент в их распоряжении. И уж совсем вне пределов внимания упомянутых авторов оказался «ростовский период» жизни А. И. Иванова (1932–1943). Кроме этого все предшествующие работы страдали одним общим недостатком: они были лишены какого-либо историографического анализа его научного наследия. Этот пробел в меру своих возможностей мы постарались восполнить, а уж как нам это удалось – уже судить читателю.

Но и здесь необходимо сделать одну оговорку: нам приходилось сталкиваться с таким феноменом, когда, уверовав, что нами обнаружены и рассмотрены все работы упомянутого автора, мы вдруг чисто случайно сталкиваемся с какой-то никому неизвестной статьёй или брошюрой, на которую нет ни единой ссылки, ни единого упоминания самим автором. Такое вполне допустимо и в нашем случае.

При написании работы мы избрали жанр научной биографии. Именно он и определил особенности той источниковой базы, которая легла в основу нашего исследования. Сухие строчки документов – а они тоже были нами использованы в достаточном количестве – едва ли смогут оживить образ ушедшего из жизни несколько десятилетий тому назад ученого. Поэтому в нашей работе мы опирались на воспоминания (как устные, так и письменные) людей, лично знавших Алексея Ивановича Иванова.

Слова искренней признательности мне хотелось бы выразить тем людям, которые всеми силами помогали мне в написании данной книги. В первую очередь, низкий поклон людям, знавшим А. И. Иванова по Ростовскому Педагогическому институту, его бывшим студентам, увы, уже покинувшим этот мир – Ната-

---

¹ Бронский В. Профессор А. И. Иванов [Некролог] // ЖМП, 1977, № 11. С.25–26.

² Карпун Д. А. Педагогическая и научно-исследовательская профессора А. И. Иванова в Ленинградской духовной Академии и семинарии // Христианское чтение, 2016, № 5. С.223–244.

³ Максимова Н. Д. Первый директор Владимирского музея // Рождественский сборник. Вып.3. Ковров, 1996. С.108–111.

лье Васильевне Бакулиной (1916–2010) и Борису Владимировичу Чеботареву (1918–2002), рассказы которых помогли мне воссоздать образ этого ученого и человека.

Огромную благодарность выражаю Ксении Михайловне Антич, поделившейся со мной не только своими устными воспоминаниями об А. И. Иванове, но и предоставившей в мое распоряжение ценное эпистолярное наследие – свою переписку с семьей Ивановых, которая длилась в годы Великой Отечественной войны. Все предоставленные ей письма так или иначе были использованы в нашей работе.

Глубокую признательность хотел бы выразить руководству Санкт-Петербургской Духовной Академии – ректору Академии Его Пресвященству епископу Петергофскому Серафиму за любезное разрешение ознакомиться с личным делом А. И. Иванова. Особые слова благодарности – заведующей канцелярией Духовной Академии Ольге Ивановне Пономаревой, чутко откликнувшейся на все мои просьбы и пожелания.

Не могу обойти вниманием работников архива УФСБ по Ростовской области, ознакомившими меня с личным делом арестованного в 1945 г. и этапированного в Ростов-на-Дону А. И. Иванова.

Слова особой признательности я хотел бы высказать в адрес своей супруги – д.и.н., профессора Казаровой Нине Акоповне. Долгое время при изучении жизни и деятельности А. И. Иванова мы с ней шли как бы «параллельными курсами», но затем она поделилась со мной накопленными её материалами, которые также легли в основу данной книги. Она же стала первым читателем моей книги, высказав ценные советы и замечания. Без всех этих людей мой труд едва ли мог появиться на свет.

ГЛАВА I

ГОДЫ УЧЕНИЯ. ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКЕ

Алексей Иванович Иванов родился 1890 г. в с. Смердово Ивановской области в крестьянской семье⁴. Как он писал в своей автобиографии, в 1905 г. окончил Шуйское духовное училище первым учеником, а в 1911 г. окончил Владимирскую Духовную семинарию также первым учеником⁵.

Обучаясь во Владимирской духовной семинарии, А. И. Иванов заинтересовался изучением родного края и вошел в группу семинаристов в феврале 1910 г. под руководством ряда преподавателей занявшихся поисковой работой. Н. Д. Максимова приводит характеристику А. И. Иванова, которую он получил по окончании Владимирской духовной семинарии: «Алексей Иванов – по способностям, начитанности и развитию первый ученик в классе. В дисциплинарном отношении старается быть исправным. По характеру натура скрытая и не без хитрости; направления передового. Имел влияние на товарищей»⁶.

В 1915 г. окончил Петроградскую духовную академию первым магистрантом и был оставлен при Академии на два года профессорским стипендиатом. В этот период он подготовил магистерскую диссертацию на тему «Патриарх Константинопольский Кирилл Лукарис и его время», но защита не состоялась ввиду отъезда на Юг его научного руководителя, профессора И. И. Соколова, а затем и последующего закрытия Академии. Текст диссер-

---

⁴ Относительно крестьянского происхождения А. И. Иванова имеются некоторые сомнения. Как поведала нам в личном письме от 15 августа 2018 г. К. М. Антич (урожд. Миллер), в разговоре с её матерью супруга А. И. Иванова Варвара Дмитриевна со страхом говорила, что Алексей Иванович «...попович, хоть бы до этого не докопались». По её словам, отец Алексея Ивановича был священником и к тому же был репрессирован. Но это тщательно скрывали.

⁵ Архив Санкт-Петербургской Духовной Академии (Далее – АСПБДА). Дело 1335. Личное дело профессора А. И. Иванова. Л.8.

⁶ Цит. по: Максимова Н. Д. Первый директор Владимирского музея // Рождественский сборник. Вып. 3. Ковров, 1996. С. 108.

тации, имевшийся в единственном экземпляре, профессор И. И. Соколов забрал с собой в поездку, во время которой он был бесследно утерян. Подготовка магистерской диссертации предшествовала командировке начинающего ученого в 1914 г. в Константинопольский Археологический институт. Основанный по инициативе известного ученого профессора Ф. И. Успенского (1845–1928), он стал центром византистики, имея прекрасную научную базу и организуя экспедиции по всей территории бывшей Восточной Римской империи. Примечательно, что обычно в Археологический институт направлялись магистранты или молодые преподаватели, а вот А. И. Иванов удостоился такой чести ещё будучи студентом⁷. Однако с началом первой мировой войны институт был закрыт, а его стажеры были вынуждены в 1914 г. вернуться обратно на родину. Но знания по археологии, полученные им в Институте, очень пригодились ему в будущем.

Наряду с духовным А. И. Иванов получил и светское образование: в качестве вольнослушателя в 1916–1918 гг. он обучался на Историко-филологическом факультете в университете в г. Петрограде, а чуть ранее – в 1915–1917 гг. посещал занятия в Петроградском Историко-археологическом институте. У нас нет сомнений в том, что он готовился к научной карьере историка церкви, но после Октябрьских событий 1917 г. подобная перспектива оказалось под большим вопросом, и с 1915 по 1921 гг. Алексей Иванович начал преподавательскую деятельность в гимназиях, а затем и школах г. Петрограда.

К этому времени А. И. Иванов приобрел прочные знания, изучив также ряд древних и современных языков. «Читаю на греческом, латинском, немецком и французском яз. Читаю и говорю на немецком языке», – писал впоследствии А. И. Иванов в своей автобиографии⁸. Осознав свою невостребованность в одной специальности – богословии и византистики, он оказался востребованным в другой – краеведении.

---

⁷ Сухова Н. Ю. Представители духовной школы в Русском Археологическом институте в Константинополе // Научные проблемы гуманитарных исследований, 2009, № 10. С. 109.

⁸ АСПБДА. Д. 1335. Личное дело профессора А. И. Иванова. Л.1.

ГЛАВА II НА РОДНОЙ ВЛАДИМИРЩИНЕ (1921–1932)

Изменение ситуации в стране неизбежно привело к изменению научной тематики А. И. Иванова. В начале 1920-х годов ни церковная история, ни даже история Византии не интересовали новую власть. На смену им приходит краеведение, и Алексей Иванович, знавший и любивший историю родного края, активно приступил к практической и теоретической работе по изучению и пропаганде знаний о родном крае. В общих чертах данный период жизни и деятельности А. И. Иванова был исследован в упомянутой выше статье заведующей Государственным архивом Владимирской области Наталии Дмитриевны Максимовой, к которой мы будем иногда обращаться.

По словам Н. Д. Максимовой, после возвращения в родные края, А. И. Иванов вместе с братом своего преподавателя по семинарии Н. Малицким устроился на работу во Владимирский губернский отдел народного образования на должность инструктора по охране памятников и старины, а затем принял должность заведующего подотделом искусства⁹. Можно с уверенностью предположить, что в этот период Алексей Иванович со всей серьезностью взялся за новую работу.

А. И. Иванов стал первым директором только что созданного при его активном участии Владимирского губернского музея. Это и понятно: его всегда интересовали древности родного края. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он с самого начала активно взялся за дело. Не только по долгу службы, но и по порыву сердца он колесил по Владимирщине, обследуя монастыри, церкви, усадьбы проводил инвентаризацию уже имевшихся музейных памятников. И это несмотря на царившую в стране разруху и отсутствие элементарных финансовых возможностей. В 1925 г. в музее и картинной галерее в дневное время, практически на глазах у милицейской

---

⁹ Максимова Н. Д. Первый директор Владимирского музея // Рождественский сборник. Вып.3. Ковров, 1996. С.109.

охраны, были совершены крупные кражи»¹⁰, – отмечает Н. Д. Максимова. Оргвыводы последовали незамедлительно: сначала ему объявили выговор, а затем в 1926 г. сняли с должности директора музея.

Потерпев неудачу в практической деятельности, Алексей Иванович сосредоточился на поприще науки и педагогики. Он занимает должность товарища председателя Владимирского губернского научного общества по изучению родного края.

Период с 1921 по 1931 гг. был временем его активной научной деятельности. За указанный период им было написано около десятка работ в основном краеведческого характера. Обратимся к некоторым из них.

Самое первое исследование на своей малой Родине А. И. Иванов посветил крестьянскому движению на Владимирщине в 1905–1906 гг. Этот довольно объемный исторический очерк базируется на достаточно обширной источниковой базе: материалах архива Владимирского губернатора, периодической печати, отчетах крестьянских съездов и т.д. Ссылок на какую-либо литературу мы не находим, что свидетельствует о новизне рассматриваемой им теме. Основными причинами развернувшегося крестьянского движения автор называет крайне тяжелое экономическое положение крестьян, эксплуатацию их помещиками, а также злоупотребления местных властей. Причины ухудшения положения крестьян А. И. Иванов видит в незавершенности и непоследовательности реформы 19 февраля 1861 г., в результате которой крестьянские наделы сократились, а всевозможные платежи и подати крестьян только увеличились: «на своих плечах крестьянству приходилось выносить огромный выкупной долг за полученную от помещиков землю»¹¹. Оказавшееся практически безземельным, крестьянство не только с вождением смотрело на помещичьи земли, но и пыталось их захватить. Подъем крестьянского движения в стране в целом и во Владимирской губернии в частности, А. И. Иванов связывает с общим ходом развития первой русской революции. Хотя по своему размаху крестьянское движение здесь уступало революционному движению пролетариата (Иваново-Вознесенский, Гавриловский, Ореховский районы), по своему значению оно занимало важное место. Первые признаки брожения среди крестьян начались здесь с весны

---

¹⁰ Максимова Н. Д. Указ. соч. С. 110.

¹¹ Иванов А. И. Крестьянское движение во Владимирской губернии в 1905–1906 гг. Владимир, 1923. С. 3.

1905 г. Автор связывает их с «ужасными поражениями русской армии и флота на Дальнем Востоке»¹².

В деревне велась усиленная пропаганда против правительства. Инициативу в проведении пропагандистской работы взяли на себя земства. Именно Владимирская Губернская Земская Управа начала рассылку своим корреспондентам из крестьянского сословия соответствующей литературы. Несмотря на репрессии со стороны полиции, Земская Управа продолжила свою работу в этом направлении. Вскоре от теоретической работы среди населения земства перешли к работе практической: стали созываться собрания, на которых земства объясняли крестьянам экономическое и даже политическое положение в стране. Однако вскоре крестьянство перешло к открытым выступлениям против власти, что привело к прекращению контактов между либеральными земцами и крестьянством. Вскоре крестьянское движение выдвинуло из своей среды талантливых вождей и агитаторов, среди которых автор называет имя Сергея Викторовича Бунина. Именно он в открытом письме Владимирскому губернскому представителю дворянства князю А. Б. Голицыну обрисовал тяжелейшее положение местного крестьянства, страдающего от непомерных поборов¹³.

Далее автор начинает рассматривать крестьянское движение по отдельным уездам Владимирской губернии (Юрьевском, Судогодском и т.д.). Первоначально крестьяне начали составлять наказы, в которых выдвигались весьма умеренные требования: строительство школ, введение всеобщего бесплатного образования, уравнивание крестьян в правах со всеми иными условиями и т.д.

Нельзя не отметить, что крестьянское движение во Владимирской губернии 1905–1906 гг. рассматривается автором в контексте общероссийского движения крестьянства в стране. Так он повествует об объединении крестьян весной 1905 г. в т.н. «Всероссийский Крестьянский Союз».

Как отмечает автор, помимо земств свое влияние на крестьянское движение пытались оказывать социал-демократы и социалисты-революционеры, которые в деле распространения листовок и прокламаций проявляли

---

¹² Иванов А. И. Крестьянское движение во Владимирской губернии в 1905–1906 гг. Владимир, 1923. С. 4.

¹³ Там же. С. 7.

чудеса изобретательности. Однако крестьянство ещё не было готово к решительным действиям против властей. Деятельность как либеральных Земств, так и революционно настроенных социал-демократов вызывало опасения властей, которые стремились не допустить активности крестьянского движения¹⁴.

Начало второго этапа крестьянского движения А. И. Иванов относит к Манифесту 17 октября, который сопровождался митингами, демонстрациями и насильственным захватом помещичьего имущества. Главными руководителями крестьянского движения в данный период были Крестьянский Союз и партийные организации. Богатый фактический материал позволяет автору скрупулезно рассматривать крестьянские выступления во многих поселениях Владимирской губернии. Им упоминаются практически имена всех вождей и организаторов крестьянского движения. Это С. В. Бунин, И. С. Морозов, Н. Н. Оттенберг, А. В. Смирнов, А. Корнилов, Г. И. Соколов, И. И. Медведев, Ф. А. Соколов, М. Н. Суходольский и многие другие¹⁵. А. И. Иванов нередко приводит целиком сохранившиеся тексты резолюций, принятых на уездных съездах Крестьянского Союза, которые позволяют нам судить о требованиях их делегатов. По мнению автора, под влиянием усиленной агитации, которую развернул Крестьянский Союз и партийные организации, настроения крестьян приобретали все более радикальный характер. От различных «приговоров» и петиций крестьянство переходит к открытой форме борьбы с властями, к отказу от уплаты податей, захвату частновладельческих угодий¹⁶. Одной из форм крестьянского движения во Владимирской губернии лесов стали порубки в частных и казенных угодьях. Такое имело место в деревнях Нефедовка, Климатина, Ногосекова и др.

После роспуска Государственной Думы Крестьянский Союз сходит с политической арены, а активную работу в среде крестьянства берут на себя партийные организации, которые имели главной целью подготовку крестьян к вооруженному восстанию. Далее автор переходит к характеристике деятельности РСДРП, приводя тексты распространяемых ей прокламаций.

---

¹⁴ Иванов А. И. Крестьянское движение во Владимирской губернии в 1905–1906 гг. Владимир, 1923. С. 17.

¹⁵ Там же. С. 21–23.

¹⁶ Там же. С.27–28.

На крестьянские выступления во Владимирской губернии власти ответили жестокими репрессиями. По данным автора, за 1906 г. за политическую пропаганду было арестовано 389 лиц¹⁷. Главным орудием в борьбе с крестьянским движением были полицейские и отряды казаков, количество которых здесь было увеличено вдвое. К концу 1906 г. путем жестоких репрессий правительств переломило ситуацию в свою пользу, а к середине 1907 г. крестьянские выступления совершенно прекратились.

Подводя итоги своего исследования, автор приходит к следующим выводам: крестьянское движение во Владимирской губернии протекало отнюдь не стихийно, а зародилось и развивалось под влиянием агитации и пропаганды. Благоприятную почву для крестьянского протеста создавал политический гнет и тяжелые экономические условия. Заслуга в пробуждении крестьянства принадлежит как Земствам, так и партийным организациям. Однако при первых же активных революционных выступлениях, либеральные земства отошли от движения и перешли на сторону правительства, после чего во главе его встал Крестьянский Союз, экономическая программа которого полностью отвечала интересам крестьянства. Однако осуществлять свою борьбу самостоятельно крестьянство не могло, оно примкнуло к пролетариату, руководимому социал-демократической партией¹⁸. Но сдвиг в сознании крестьянских масс произошел только тогда, когда рабочее движение было подавлено. Последнее обстоятельство обусловило поражение и крестьянского движения. Однако, по словам автора, опыт крестьянского движения не прошел бесследно: наученные опытом 1905-1906 гг., рабочие и крестьяне в Октябре 1917 г. выступили в союзе и с «отчетливым сознанием того, с кем и за что им бороться»¹⁹.

Дальнейшая разработка крестьянской тематики нашла отражение в следующей работе А. И. Иванова, посвященной крестьянскому движению во Владимирской губернии XVIII века. Крестьянское движение, по слова автора имело давние традиции: начавшись с самого начала существования

---

¹⁷ Иванов А. И. Крестьянское движение во Владимирской губернии в 1905–1906 гг. Владимир, 1923. С. 64.

¹⁸ Там же. С. 65.

¹⁹ Там же.

российского государства, оно с перерывами продолжалось вплоть до Октябрьской революции²⁰. В исторической памяти сохранились только три крупных крестьянских движения: движение крестьянских и казацких низов в Смутное время, восстание Степана Разина и «бунт» Пугачева. Другие же эпизоды борьбы крестьянства против помещиков, по словам автора, оказались незаслуженно забытыми²¹.

Между тем, по мнению А. И. Иванова, изучение крестьянских волнений во всех подробностях имеет громадный научный интерес, так как наглядным образом демонстрируют моральное и духовное состояние народа в прошлом. К числу наименее изученных моментов в истории крестьянских движений автор относит волнения в царствование Павла I²². Эти волнения, начавшиеся в 1796 г. в Олонецкой губернии, к середине 1797 г. охватили 32 губернии. В числе охваченных волнениями оказалась и Владимирская губерния. Источниковая база исследования представлена лишь т.н. «Описью дел канцелярии Владимирского губернатора XVIII в., в четырех томах, которая была составлена А. В. Селивановым и издана в 1902–1904 гг.

Крестьянское движение во Владимирской губернии началось в середине января и продолжалось до конца 1797 г. Оно охватило более сотни населенных пунктов. Причинами движения были усиление крепостного гнета и тяжелое экономическое положение крестьянства. Воцарение нового царя породило в крестьянской среде надежды на облегчение их положения и отсюда – ожидание «указа» об освобождении, которое оказалось напрасным. Акты насилия со стороны восставших крестьян были направлены как против отдельных помещиков, так и против государственных чиновников.

Охваченный «революционными идеями» и вооруженный марксистской методологией, А. И. Иванов следующее свое исследование посвятил Профессиональному Союзу работников просвещения Владимирской губернии. Здесь автору пришлось оперировать источниками совсем иного плана, нежели теми, с которыми ему довелось работать ранее. Прежде всего, это протоколы заседаний бюро Владимирской уездной учительской организации, собраний профессионального союза работников Единой Трудовой

---

²⁰ Но, как мы теперь знаем, и после неё, и яркое тому свидетельство – крестьянское восстание А. С. Антонова на Тамбовщине (1921–1922).

²¹ Иванов А. И. Крестьянское движение во Владимирской губернии в конце XVIII века. Владимир, 1924. С. 3

²² Там же.

Школы г. Владимира, протоколы I-го Владимирского губернского съезда работников просвещения 11–12 февраля 1920 г. и т.д., а также материалы периодической печати (в частности, газета «Северный край»). Примечательно, что автор включает в текст своей книжки целиком тексты резолюций съездов, тексты уставов и т.д., которые занимают чуть ли не половину всей работы. Делается это для того, чтобы читатель мог сразу же ознакомиться с первоисточником. Не обойдены вниманием автора оказались и некоторые первые работы на данную тему, в частности, брошюра В. И. Богданова²³.

Профессиональные союзы, как органы борьбы рабочего класса против капитала, возникли в России только в 1905 г. Как отмечает автор, именно с этого времени ведет свое начало профессиональное движение среди работников просвещения Владимирской губернии. Однако зачатки организаций, оказывающих элементарную помощь появились на Владимирщине немного раньше. Так, в 1897 г. в Суздале было основано «Общество взаимного всепомоществования учащим и учившим в училищах Суздальского уездного училищного совета». В 1898 г. возникло такое же общество в самом Владимире²⁴. До 1905 г. все эти общества имели своей целью оказание материальной помощи нуждающимся преподавателям. При этом царские власти зорко следили за тем, чтобы эти общества ни при каких обстоятельствах не оказывались связанными с политическими вопросами.

Во время революционных событий 1905–1906 гг. учительство не имело возможности хоть как-то поучаствовать в едином общественно-политическом движении. Но во Владимирской губернии учительство так или иначе оказалось втянутым в произошедшие здесь революционные события. Почти все петиции и приговоры составлялись именно учителями народных школ. Учителя стояли во главе процесса создания волостных и уездных объединений Всероссийского Крестьянского Союза. Часть учительства пополнила ряды стоящих во главе движения политических агитаторов. Объединение учителей и работников народного образования на Владимирщине началось в 1905 г., когда в стране уже во всю развернулась революционная борьба. Первым толчком к созданию организации была т.н. «записка» о

---

²³ Богданов В. И. Учительство и советская власть. М., 1919.

²⁴ Иванов А. И. Профессиональный союз работников просвещения Владимирской губернии. Владимир, 1924. С. 3

нуждах народного образования, которая была составлена в Петербурге 12 марта 1905 г.²⁵. Она была зачитана на общем собрании членов «Общества взаимного всепомоществования Владимирской губернии». Собрание единогласно решило объединиться в союз и ознакомить учащихся с задачами и организацией возникшего союза. Несмотря на активное сопротивление губернатора, было принято решение установить минимальный оклад учителям 35 руб. в год, создать фонд для оказания помощи потерявшим работу учителям, упразднить церковно-приходские школы и заменить их земскими, начать создание местных кружков «союза учителей». Такая деятельность Общества была признана правительством вредной и опасной. Однако учительство продолжало начатую работу. К началу октября 1905 г. в составе Владимирского отделения учительского союза уже находилось более 20 человек. Поражение первой русской революции привело к крушению профсоюза учителей Владимирской губернии²⁶.

Возрождение профессионального движения среди учителей произошло лишь после свержения царизма в 1917 г. Собравшееся 4 марта 1917 г. московское областное бюро учителей обратилось с воззванием к учителям страны созвать Всероссийский учительский союз. Это воззвание нашло горячий отклик у учительства Владимирской губернии, 24 делегата от которой приняли участие в открывшемся 4 апреля в Москве Областном съезде учителей. Автор критикует позицию Всероссийского учительского союза, который с «другими буржуазными союзами занял в первое время определенно враждебную к Советской власти позицию»²⁷. Не желая сотрудничать с пришедшими к власти после «октябрьского переворота» (именно так у автора – С. К), центральные органы учительства находились в состоянии полного бездействия. Однако Владимирская уездная организация, наиболее сильная и сплоченная, начала сотрудничество с Советской властью. Возникший в мае 1918 г. новый профессиональный союз учителей активно взялся за работу. Был принят устав профессионального союза учителей Владимира и положение о кассе взаимопомощи союза. Свое изложение автор доводит до 5-го Губернского съезда работников просвещения Владимирской губернии,

---

²⁶ Иванов А. И. Профессиональный союз работников просвещения Владимирской губернии. Владимир, 1924. С. 11.

²⁷ Там же. С. 15.

состоявшегося 1–2 сентября 1923 г., после чего переходит к краткой характеристике деятельности уездных отделений союза работников просвещения (Александровского, Вязниковского, Гусевского, Гороховецкого, Ковровского, Муромского, Меленковского и др. отделений)²⁸.

В совершенно иной ипостаси – археолога и исследователя древностей Владимирского уезда – выступает А. И. Иванов в другой своей работе, посвященной Пустошенскому могильнику²⁹. Нельзя не отметить, что археология, как наука, всегда интересовала Алексея Ивановича. Видимо, два года, проведенные в Константинопольском археологическом институте в качестве стипендиата, не прошли для него даром. Даже будучи заведующим кафедрой Всеобщей истории Ростовского Педагогического института он выезжал со студентами и руководителем археологической практики М. А. Миллером на раскопки на Нижне-Гниловское поселение.

Предыстория исследования могильника такова. Осенью 1923 г. крестьянин села Пустоши, находившегося в юго-западной части Судогского уезда, при рытье ямы для хранения картофеля обнаружил на своей судьбе древнее погребение, которое находилось на глубине чуть более полуметра и состояло из костяка и находившимся рядом с ним ряда бронзовых или медных вещей: шейных гривен, височных колец, ручных браслетов, малых спиральных колец, нарукавных нашивок и разнообразных подвесок. Летом 1924 г. А. И. Иванов прибыл на место находки и все обнаруженные здесь вещи вывез и сдал во Владимирский исторический музей. При опросе местных крестьян ему удалось выяснить, что подобные находки в данной усадьбе встречались и ранее. Во Владимирском музее, как удалось установить А. И. Иванову, действительно находились две витые из медных проволок шейные гривны, три браслета и большая ажурная подвеска из проволочек. По предположению автора, эти вещи были обнаружены археологом Н. Е. Макаренко в 1905 г. во время его раскопок в Судогском м Меленковском уездах, хотя отчет об этих раскопках не сохранился³⁰. Поскольку могильнику грозило полное уничтожение, А. И. Иванов добился от Главнауки

---

²⁸ Иванов А. И. Профессиональный союз работников просвещения Владимирской губернии. Владимир, 1924. С.34-43.

²⁹ Иванов А. И. Пустошенский могильник. Владимир, 1925. Археологические исследования были, по-видимому, вызваны как интересами Алексея Ивановича к древней истории родного края, так и добавившимися профессиональными обязанностями – он стал директором местного краеведческого музея.

³⁰ Там же. С. 3.

НКП разрешения на производство здесь археологических раскопок (открытый лист на них был выдан 19 сентября 1924 г.). В сентябре 1924 г. А. И. Иванов совместно с Ф. Я. Селезневым начали археологические исследования могильника. Судя по описанию, данному автором, могильник находился на окраине села Пустоши, на территории трех крестьянских усадеб. Площадь, занимаемая могильником, равнялась приблизительно 375 кв. метрам. На вскрытой площади было обнаружено 25 человеческих погребений. Погребения в 23 случаях оказались одиночными. В одном случае в могиле оказались 2 черепа и в одном погребении костяк взрослого и детский череп³¹. Глубина могил колебалась от 0,4 до 0,7 м. Обнаруженные костяки были разной степени сохранности. Костяки лежали на спине, вытянуто. Что касалось пола и возраста, то достоверно удалось определить 14 погребений, из которых 6 принадлежали взрослым мужчинам, 2 – взрослым женщинам, 2 – подросткам и 4 – детям. Выводы сделаны на основе исследований черепов, костей таза и вещей.

Предметный инвентарь могильника, по словам А. И. Иванова, оказался довольно бедным. За исключением нескольких кусков шерстяной ткани и кожи, 3 черепков глиняной посуды, остатков железного ножа и нескольких раковин каури, он весь состоял из бронзовых предметов, служивших принадлежностями женских украшений. Автор предполагает, что часть погребений была расхищена ранее, доказательством чего ему служат рассказы местных жителей о прежних находках и следы многочисленных картофельных ям, обнаруженных на месте могильника³².

Важным для нас представляется то, что автор на основе археологического материала пытается реконструировать этническую историю региона. С этой целью он прибегает к сравнительно-историческому методу, который заключается в сравнении культуры Пустошинского могильника с аналогичными памятниками материальной культуры, обнаруженными в соседней Рязанской губернии. По возможности и весьма осторожно им привлекается и эпический материал, после чего на основании всей совокупности данных он

---

³¹ Иванов А. И. Пустошенский могильник. Владимир, 1925. Археологические исследования были, по-видимому, вызваны как интересами Алексея Ивановича к древней истории родного края, так и добавившимися профессиональными обязанностями – он стал директором местного краеведческого музея. С.4.

³² Там же. С.5.

также весьма осторожно делает предположение, что Пустошинский могильник этнически относился к племенному союзу, носившему общее название «Мещера»³³. Основными особенностями названного этнического элемента является полное отсутствие в захоронениях предметов вооружения. Найденные в них ножи слишком малы по размерам и должны быть отнесены к предметам домашнего обихода. На основании этого автор делает вывод о том, что местные племена отличались весьма мирным характером и не заботились об обеспечении себя каким бы то ни было вооружением. Возможно поэтому они были сметены мощным славянским нашествием³⁴.

Но основе сохранившихся скудных данных А. И. Иванов пытается делать выводы и об основных занятиях местных жителей. Они зависели от окружающей природной среды. Песчаная бесплодная почва не давала возможности для занятий земледелием. Для разведения скота имелись более благоприятные условия, однако главными их занятиями все-таки были охота, рыболовство и бортничество. Девственная природа обеспечивала здесь богатую добычу, а жители края вплоть до начала XX века считались лучшими пчеловодами. Автор сетует на неизученность обнаруженного антропологического материала, но по некоторым признакам население было среднего роста, коренастое, черноволосое и отличалось крепостью и здоровьем. В завершении автор призывает к дальнейшему историко-археологическому исследованию Мещерского края. «При тщательном исследовании его все берега больших и малых рек, все курганы, могильники и городища обратятся в живую летопись и тогда перед нами развернется полная картина жизни и культуры уже исчезнувшего народа»³⁵, – отмечал А. И. Иванов

Небезынтересно и в этом случае обратить внимание на «творческую лабораторию» ученого при написании данной работы. Работа по археологии, естественно, предполагала и иную манеру изложения, и использование иных источников. Что касается источников, то таковыми для Алексея Ивановича стали отчеты археологической комиссии за 1905 г., Труды Владимирской архивной комиссии за различные годы, материалы по археологии

---

³³Иванов А. И. Пустошенский могильник. Владимир, 1925. Археологические исследования были, по-видимому, вызваны как интересами Алексея Ивановича к древней истории родного края, так и добавившимися профессиональными обязанностями – он стал директором местного краеведческого музея. С. 20.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С.22.

России за разные годы. Для проведения необходимых аналогий были привлечены исследования таких ученых археологов, как Ф. Нефедов³⁶ и В. А. Городцов³⁷. Сами описания обнаруженных предметов материальной культуры сделаны А. И. Ивановым профессионально, со знанием дела. Работа содержит необходимые для трудов подобного рода приложения, содержащие подробный план могильника и захоронений, а также рисунки обнаруженных в них предметов. Все это убеждает нас в том, что для Алексея Ивановича археология была наукой, которая ему была известна не понаслышке, а данные, полученные этой наукой, он умел привлекать в качестве дополнительного источника.

Заняв должность директора Владимирского губернского музея, А. И. Иванов сформулировал задачи музеев губернии на ближайший период и с докладом на данную тему выступил на 2-й конференции по изучению производительных сил Владимирской губернии, которая прошла во Владимире с 1 по 5 ноября 1925 г. По словам автора доклада, Владимирская губерния в области Музейного строительства занимала одно из видных мест среди губерний нашей страны. Одним из важнейших факторов, способствовавших этому, было богатство находящихся на территории края культурно-исторических памятников, прочные традиции глубокого научного интереса к местной старине и наличие квалифицированных музейных работников – все эти факторы в значительной мере способствовали успеху развития музейного дела³⁸. Далее автор переходит к той роли, которую играют музеи в культурно-просветительной работе. Обогащаясь важнейшими и ценнейшими произведениями человеческого творчества, музеи постепенно становятся центрами школьной и внешкольной экскурсионной работы. С каждым годом увеличивается групповая посещаемость музеев. «Из мертвых складов разнородных, случайно накопленных более или менее ценных вещей музейные собрания путем постепенного отбора, пополнения и классификации экспонатов, превращаются в живые кабинеты и лаборатории по различным

---

³⁶ Нефедов Ф. Раскопки курганов в Касимовском уезде Рязанской губернии. М., 1978.

³⁷ Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях города Муром в 1910 г. М., 1914.

³⁸ Иванов А. И. Музейное дело во Владимирской губернии во время революции и его ближайшие задачи // Труды 2-й конференции по изучению производительных сил Владимирской губернии. 1–6 ноября 1925 г. Владимир, 1926. С.1.

отраслям знания»³⁹. Касаясь развития и содержания местных провинциальных музеев до Октябрьской революции, автор отмечает, что оно было предметом внимания частных лиц или отдельных общественных групп. Поэтому оно не могло считаться устойчивым. Ситуация коренным образом изменилась после Октябрьской революции, когда дело содержания и охраны музеев полностью перешло в ведение Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины, организованной при Комиссариате Народного Просвещения.

Далее последовала целая серия работ А. И. Иванова, посвященная истории отдельных городов Владимирской губернии: центру губернии городу Владимиру, а также более мелким городам Коврову и Стародубу. При этом надо отметить, что это были отдельные исследования, каждое из которых базировалось на собственных источниках и требовало для написания их истории определенных усилий.

Свою серию исследований по истории городов Владимирщины А. И. Иванов начал с Кляземского городка, бывшего удельного городка Стародуба. Как нам представляется серия исследований А. И. Иванова начинается с него потому, что здесь автор продолжил начатое им ранее историко-археологическое исследование губернии. В предисловии к этой работе обосновывает важность и необходимость изучения городищ края, количество которых уже достигло 46, и подавляющее их большинство располагалось на побережьях рек⁴⁰.

Первые упоминания о Кляземском городке, бывшем удельном городе Стародубе встречается в Воскресенской летописи, в которой говорится, что в 1218 г. Стародуб был передан Владимирским князем Георгием в удел брату Дмитрию. В 1238 г. после чудовищного татарского погрома Стародуб перешел во владение к Ивану Всеволодовичу, младшему брату Владимирского князя Ярослава. В течение второй половины XIII в. и первой половины XIV в. Стародуб на Клязьме несколько раз упоминался в летописях как самостоятельный удельный город. В 1363 г. Московский князь Дмитрий лишил Кляземский Стародуб независимости и выгнал из него непокорного

---

³⁹ Иванов А. И. Музейное дело во Владимирской губернии во время революции и его ближайшие задачи // Труды 2-й конференции по изучению производительных сил Владимирской мышлени. 1–6 ноября 1925 г. Владимир, 1926. С.1.

⁴⁰ Иванов А. И. Кляземский городок, бывший уездный город Стародуб. Владимир, 1926. С. 3.

князя Ивана Федоровича. С этого времени в качестве зависимых наместников московского князя участвуют в целом ряде московских походов по покорению Твери в 1375 г., в Куликовской битве 1380 г., в походе на Новгород в 1386 г.⁴¹ В конце XIV в. Стародубское княжество было разделено между сыновьями Стародубского князя Андрея Федоровича на ряд мелких самостоятельных уделов или волостей, которые затем дали наименования новым княжеским фамилиям. Так, волость, известная в то время под названием «Пожара», вверенная старшему из братьев Василию, дала роду фамилию Пожарских, Стародуб с его ближайшими селами и деревнями – Стародубских, село Палех с наделами – Палецких и т.д. А в 1410 г. Стародуб был взят и разорен татарами.

Дальнейшая судьба Стародуба на Клязьме, по словам автора, долгое время оставалась неизвестной. В феврале 1609 г. Владимирский воевода Михаил Вельяминов доносил в Тушино, что Кляземский городок вместе с другими селами изменил Лжедмитрию и присягнул Василию Шуйскому. В отместку за это в марте того же года поляки с казаками напали на Стародуб и жестоко расправились с его жителями. После этого разгрома, судя по археологическим данным, селение было перенесено за городской вал, но все равно время от времени подвергалось разграблению. Так, в 1667 г. крестьяне села (уже не города) Кляземский городок в своей челобитной доносили, что подверглись разбойному нападению, а отправленная им вслед погоня ничего не дала. В 40-х гг. XIX в. около сельской церкви было обнаружено значительное количество надгробных камней, содержащих имена князей, бояр и купцов, но камни эти из-за невежества местных священников были использованы для сооружения фундамента строящейся церкви⁴².

В виду отсутствия нарративных источников А. И. Иванов в качестве иных источников привлекает местные народные предания. Так, согласно народным преданиями, в городе существовало семь церквей, но реально была обнаружена только одна⁴³.

Но для автора основанный на нарративной традиции исторический очерк всего лишь прелюдия к исследованию археологических данных, которые как раз и являются главной целью его работы. Затем А. И. Иванов

---

⁴¹ Иванов А. И. Кляземский городок, бывший уездный город Стародуб. Владимир, 1926. С.6.

⁴² Там же. С.7. При этом А. И. Иванов ссылается на газету Владимирские Губернские Ведомости за 1859, № 28.

⁴³ Там же.

переходит к описанию городища, причем делает он это настолько скрупулезно, что в нем снова угадывается настоящий археолог-профессионал. Описание им городища и его топографии сопровождается схемами, фотографиями, чертежами его плана.

Свое описание городища он начинает с его местоположения. По словам автора, Кляземское городище располагалось на правом берегу р. Клязьмы недалеко от г. Коврова на обширном плато. Далее автор дает размеры и форму городища, считая его крупнейшим на Владимирщине – ширина площадки городища, по его словам, доходит до 136 м., а длина – до 176 м.⁴⁴ Также скрупулезно описываются валы и террасы городища.

Вполне профессионально составлен и дневник раскопок, в котором дается описание семи траншей с их размерами и обнаруженными в них находками⁴⁵. Отдельно дается описание предметов, обнаруженных в Кляземском городке в 1925 г. Это головка глиняной статуэтки холопа в высокой шляпе, железная походная чернильница в форме цилиндра с припаянной к ней узкой длинной трубкой, служившей в качестве пенала для перьев, два фрагмента стеклянного браслета, железный крючок, размером 8 см., железные кованые гвозди длиной 12 см., железные ножи «финского типа», железное шило длиной 6,5 см., обломки железных ножей, обломки железных скоб от неизвестного предмета, фрагменты предмета из листовой красной меди, осколки каменного ядра и т.д.

Отдельный раздел посвящен керамике городища. По словам автора, при раскопках городища всего было найдено 135 черепков гончарной посуды. Всю обнаруженную здесь керамику автор делит на 4 группы: 1) бережковые черепки, сделанные из красной глины с большой примесью кварцевого песка без какого-либо орнамента; 2) черепки, сходные с первой группой по материалу и степени обжига, но отличающиеся некоторыми деталями при обработке. Орнамент был обнаружен на 5 черепках; 3) черепки, имеющие особенности отделки бережковой части. Все они имеют резко отогнутый край наружу. По материалу и степени обжига имеют сходство с предыдущими. Такого типа черепков было найдено 27; 4) черепки, отличающиеся от трех первых групп по технике исполнения и использованному материалу – они сделаны из красной и желтой глины без примеси песка. Они

---

⁴⁴ Иванов А. И. Кляземский городок, бывший уездный город Стародуб. Владимир, 1926. С. 9.

⁴⁵ Там же. С.11–13.

прекрасно обработаны и отличаются хорошим обжигом. На основании приведенного материала, автор делает вывод о том, что гончарное производство здесь пережило длительный период развития, который охватывает время с XII по XVI вв.⁴⁶ Заключительный раздел работы, носящий названия «Общие замечания», по сути, содержит сформулированные автором выводы. По словам автора, жизнь городища началась с XIII в. и продолжалась до 1609 г. Она была богатой военными событиями и характеризовалась развитой экономикой. Основными занятиями жителей городка было земледелие, скотоводство и рыболовство. Из ремесел автор называет гончарное производство, которое, судя по находкам, достигло больших успехов.

По мнению автора, городища Владимирской губернии заслуживают самого серьезного внимания со стороны археологической науки. И здесь в исследовании городищ автор отдает приоритет археологии по сравнению с историей: «историк будет знать лишь то, что дает археология»⁴⁷.

Следующие исследования городов Владимирской губернии носят иной характер. Это уже не археологические исследования древних городищ, а историко-краеведческие труды, в которых рассмотрение их топографии, истории и экономики доводится до современности. Такие задачи были поставлены новой властью перед краеведением.

Свое рассмотрение городов Владимирщины автор продолжил исследованием центра губернии – города Владимира на Клязьме. Упомянутый краеведческий очерк содержал приложение с планом города. Библиография насчитывала 62 наименования.

В предисловии автор указал на то, что настоящий очерк г. Владимира был составлен по заданию Губметбюро Владимирского ГУБОНО, и являлся первой из краеведческих работ, намеченных планами Губметбюро к изданию в помощь учительству. В противоположность старой литературе эта работа представляет собой опыт научно-социологического освещения общего хода развития жизни Владимира.

Она имеет целью выявить в сжатом виде картину происхождения и постепенного роста города как живого организма, а вместе с тем осветить современный облик Владимира исторически сложившегося под влиянием соответствующих естественных экономических и политических условий. В

---

⁴⁶ Иванов А. И. Кляземский городок, бывший уездный город Стародуб. Владимир, 1926. С. 15.

⁴⁷ Там же. С. 17.

связи с указанной целью, прежде всего, дается обзор прошлого города, начиная с его возникновения и завершая началом XX столетия, с характеристикой момента его расцвета и кризиса, с описанием его хозяйственной и культурной жизни, с выявлением главнейших факторов, влиявших на рост города на протяжении его многовековой истории⁴⁸.

Описание сопровождается обобщением собранных по каждому делу фактов. Почти в каждом отделе обращено внимание на то, что было прежде и что имеется теперь, на причины данного явления и на фактическую сторону в связи со статистическими данными. Предлагаемый очерк по мысли Гублитбюро предназначен, главным образом, для учительства, крайне нуждающегося в краеведческом материале при проработки школьных программ.

Автором были рассмотрены прошлое города, его топография и природа, население Владимира и условия быта, промышленность, торговля, транспортные коммуникации, средства связи, культурное состояние, здравоохранение, социальное обеспечение и страхование, органы управления, профессиональные организации, бюджет, и, наконец, спрогнозировано будущее города.

По словам автора, Владимир принадлежит к числу древнейших русских городов. Он был основан на месте древнего финского городского поселения и сыграл в начале своей исторической жизни роль главного и политического и экономического центра всей Северо-Восточной Руси. Его период роста и процветания охватывал время период с 1108 по 1237 гг. Первоначально земляные укрепления, окружавшие территорию города, были невелики. Они окружали только центральную и самую возвышенную часть нынешнего города, известную впоследствии под названием «Печерного города» «кремля» или «детинца»⁴⁹.

Вскоре Владимир начал быстро увеличиваться в связи с постепенно усилившейся колонизацией края. В первой половине XII в. сюда двигались громадные толпы колонистов, среди которых были не только славяне, но и болгары, мордва, венгры и др. народности. Новых пришельцев привлекали

---

⁴⁸ Иванов А. И. Кляземский городок, бывший уездный город Стародуб. Владимир, 1926. С.3.

⁴⁹ Иванов А. И. Город Владимир На Клязьме. Краткий краеведческий очерк с приложением плана города. Владимир, 1927. С.5–6.

здесь естественные богатства края, мирная жизнь, немалые льготы, которые представлялись переселенцам местными князьями.

В 1157 г. Владимир становится столицей великого Русского княжества и вместе с тем средоточием торгово-промышленной жизни Северо-Восточной Руси. Княжество простиралось в это время далеко за пределами Владимиро-Суздальской области. Так, на ярмарку, устроенную во Владимире в 1195 г. съехалось много купцов из Болгарии, Новгорода, Киева, и др.

В описываемый период процветания города было построено значительное количество грандиозных сооружений церковного зодчества, часть которых сохранилась до настоящего времени⁵⁰. Дальнейший рост Владимира был прерван нашествием татар.

Период упадка, по словам автора, охватывал период с 1238 по 1719. Его главной причиной автор называет то, что торговый путь развернулся к устьям Дона и Днепра из-за чего экономический центр Руси должен был передвинуться несколько западнее. Место Владимира заняла Москва, лежащая в центре водных артерий. К тому же в 1382 г. город был razорен войсками Тахтamyша.

Причинами razорения города были: пожар 1411–1491 гг., в 1521–1539 это нашествия татар, а в 1606–1613 гг. – это нападение литовцев. К концу XVII в. Владимир начал возрождаться. В 1668 г. в городе насчитывалось 990 жителей и около 400 домов. К началу XVIII в. уже 1836 человек⁵¹. Но в 1719 г. страшный пожар уничтожил почти все строения города.

Период возрождения города начинается, по мнению автора, с 1719 г. и длится до начала XX века. В 1719 г. при разделении Московской губернии на 9 провинций Владимир был назначен главным городом Владимирской провинции. Владимир становится предметом забот со стороны правительства. Количество жителей достигло 2,5 тыс. человек. В 1778 г. была учреждена Владимирская губерния в составе 14 уездов во главе с Владимиром. Горд все более принимал благоустроенный вид. В к. XVIII – нач. XIX вв. были построены крупные каменные сооружения (дом для губернатора, торговые ряды и т.д.)⁵². Численный состав города: 1784 – 2584 человек, 1897 –

---

⁵⁰ Иванов А. И. Город Владимир На Клязьме. Краткий красневческий очерк с приложением плана города. Владимир, 1927. С.6.

⁵¹ Там же. С.8.

⁵² Там же. С.11.

24 тыс. 647 человек, 1914 – 47.020 человек. Торговый оборот города к концу XIX в. – около 4 млн. руб. Однако промышленность росла небольшими темпами. Причина этого заключалась в незаинтересованности властей. Не имея фабрик и заводов, и, следовательно, не имея пролетариата, этой основной силы революционно-классовой борьбы, Владимир не играл заметной активной роли в развитии местного революционного движения⁵³.

Новая правительственная власть, выдвинутая Февральской революцией, оказалась неспособной встать на защиту интересов рабочего класса и крестьянства, так как состояла исключительно из представителей крупной и мелкой буржуазии. Октябрьский переворот закрепил власть рабочих и крестьян⁵⁴.

Далее автор переходит к рассмотрению топографии города⁵⁵. В центре его внимания географическое положение, рельеф местности, границы города, размеры территории, деление города, его внешний вид, городские окрестности. Будущее города автор тесно связывает с возможностями его промышленного прогресса.

Затем следует рассмотрение промышленности. По его словам, до самого последнего момента Владимир почти не имел промышленности, хотя и был центром одной из наиболее экономически развитых губерний. В настоящее время в городе представлены следующие виды промышленности: фабрично-заводская, кустарно-ремесленная и сельскохозяйственные промыслы. Фабрично-заводская промышленность: бумажно-ткацкая фабрика «Пионер» (379 рабочих), кирпичный завод им. Володарского (600 человек), Госмаслозавод № 41 (50 рабочих), водочный завод (25 человек), мыловаренный (10 рабочих), Сельхозпромыслы: садоводство (вишня), огородничество (картофель, огурцы, капуста, животноводство (недостаток городских выгонов), 548 голов крупного рогатого скота и 300 мелкого⁵⁶.

Промышленное строительство города предположено развернуть по трем видам производств: 1) текстильному; 2) кирпичному; 3) маслобойному. В городе располагалась бумажно-ткацкая фабрика «Пионер», где трудились

---

⁵³ Иванов А. И. Город Владимир На Клязьме. Краткий краеведческий очерк с приложением плана города. Владимир, 1927. С.15.

⁵⁴ Там же. С.17.

⁵⁵ Там же. С.18–23.

⁵⁶ Там же. С.40.

379 рабочих, но количество рабочих мест здесь по плану предполагалось довести до 1500 человек. Планировались также постройка Владимирской электростанции, второго моста через Клязьму, уничтожение заболоченных мест, перенесение бойни за Клязьму. Город украсился разведенными вновь парками, скверами, площадками, т.е. Владимир постепенно превратился в весьма мощный экономический и политический узел и встал в один ряд с наиболее благоустроенными российскими городами⁵⁷. Индустриализация Владимира, по словам автора, повлечет за собой довольно быстрый рост населения, особенно за счет пришлого населения. Через 5 лет город должен насчитывать 50 тыс. человек, через 10 лет – 65 тыс., и через 25 лет – 95 тыс. человек. Расширение города будет происходить не стихийно, а по определенному разработанному плану.

В приложении, которым завершается труд, дается обзор исторических памятников города: дается описание Земляных валов, Золотых ворот, Успенского и Дмитриевского соборов, бывшего Рождественского монастыря, Богородицкой церкви, зданий Губисполкома и Центрального клуба (бывшего дворянского собрания)⁵⁸.

Следующая краеведческая работа А. И. Иванова была посвящена расположенному на Владимирщине городу Коврову⁵⁹. Рассматриваемый очерк истории города Коврова был написан им по заданию Ковровского отдела Народного Образования. По словам автора, город Ковров принадлежит к числу сравнительно молодых городов Владимирской губернии, но в то же время наиболее значительных в экономическом отношении. Объективная сложность работы над очерком заключалась в практически полном отсутствии архивных данных, которые были утрачены навсегда.

Данный очерк предназначался, главным образом, в помощь учительству, остро нуждающемуся в краеведческом материале при разработке новых школьных программ. Очерк был одобрен Ковровским Отделом Владимирского Губернского Научного Общества по изучению местного края и заслушан в общем собрании Владимирского Губернского Научного Общества.

---

⁵⁷ Иванов А. И. Город Владимир На Клязьме. Краткий краеведческий очерк с приложением плана города. Владимир, 1927. С.67.

⁵⁸ Там же. С.68–75.

⁵⁹ Иванов А. И. Город Ковров в прошлом и настоящем. Ковров, 1928.

В центре внимания автора оказались топография Коврова (географическое положение, границы города и его окрестности), его природные условия (почва и климат), были рассмотрены возникновение и рост города, революционное движение и работа партийной организации. Затем автор перешел к рассмотрению населения города и условиям быта (состав, жилищные и санитарные условия), промышленности и торговли, путям сообщения и средствам связи; культурному состоянию города и здравоохранению, профессиональным организациям и городскому бюджету, а также его будущему.

Город Ковров расположен в северо-восточной части Владимирской губернии на правом возвышенном берегу р. Клязьмы. Его положение довольно благоприятно в торгово-промышленном отношении. Судходная река и сеть железных дорог связывают город со многими крупнейшими торгово-промышленными центрами и придают ему значение важнейшего экономического пункта северо-восточной губернии⁶⁰.

Вид Коврова, по словам автора, довольно живописен. Он вытянут в одну линию по возвышающемуся берегу реки от севера к югу. Северный конец Коврова замыкается громадной бумаго-текстильной-ткацкой фабрикой им. «Абельмана» с величественными корпусами. На южной окраине располагались железнодорожные мастерские, на востоке – железнодорожные пути на Нижний и Муром, на западе протекала р. Клязьма. Рядом располагались села Кляземский городок, Большие Всегодочи, Малые Всегодочи, Любец, Осипово. Леса⁶¹.

В XVI в. вотчину здесь получил князь Василий Андреевич по прозвищу Ковер. В начале XVII в. в селе насчитывалось 28 дворов крестьянских и один двор монастырский. Богатые угодья пашни, покосов и рыбной ловли. В 1764 г. монастырские земли Коврова перешли в ведение Государственной Эконом-коллегии. В 1778 г. при учреждении Владимирского Наместничества в составе 14 уездов с.Ковров было переименовано в уездный город Ковров⁶². Вновь открытый город принадлежал первое время к числу самых незначительных городов Владимирского края. По данным 1784 г. в нем насчитывалось всего 581 человек и 127 жилых строений (все деревянные). Общая

---

⁶⁰ Иванов А. И. Город Ковров в прошлом и настоящем. Ковров, 1928. С.5.

⁶¹ Там же. С.7, С.13.

⁶² Там же. С.17.

площадь городских земель определялась в 17 гектаров. Но и при такой малочисленности населения и незначительных размерах г.Ковров играл довольно крупную роль в торгово-промышленной жизни губернии. На зимнюю Ковровскую ярмарку, продолжавшуюся три дня, съезжались купцы из Москвы, Ярославля, Вязников, Мурома, Шуи, Юрьева-Польского, Суздаля с самыми разными товарами⁶³. В 1789 г. г. Ковров был уничтожен почти начисто страшным пожаром, и по этой причине был обращен в Посад. В 1803 г. 5 июня посад Ковров был вновь восстановлен в качестве уездного города, каковым и оставался к моменту завершения книги. С 1808 по 1860 г. население города возросло на 1/3. Слабо развивалось и городское строительство⁶⁴. В первой половине XIX в. в городе не было ни одной замощенной улицы. Бедный городок занимал одно из последних мест среди других городов края. Но во второй половине XIX в. положение резко изменилось. Через Ковровский уезд была проложена сеть железных дорог, которые связали Ковров с крупнейшими центрами торговли и промышленности. Это дало толчок бурному развитию промышленности. За последние 54 года население Коврова увеличилось в 9 раз. К 1904 г. в Коврове насчитывалось 5 км замощенных улиц и 131 уличный фонарь. Ковров занял первое место среди уездных городов губернии⁶⁵.

В духе времени автор не обошел вниманием революционное движение и работу местной партийной организации. Данный раздел он начинает с возникновения здесь революционных кружков. В марте 1895 г. здесь произошла забастовка рабочих бумажно-ткацкой фабрики И. А. Треумова. Агитационная работа большевиков имела большой успех среди рабочих. А. И. Иванов приводит список наиболее активных работников Ковровской организации, погибших за дело: Абельман Николай Самуилович (убит в 1905 г.) казаками, Малеев А. Я., Канчин В. Ф., Паволовский Г. М.⁶⁶.

Далее автор рассматривает жилищные и санитарные условия в городе. Здесь, по его словам, не бывает больших скоплений влаги и грязи, отсутствуют эпидемические болезни. В 1923 г. основана электростанция. В 1870 г. был построен водопровод. Существовала противопожарная охрана города⁶⁷.

---

⁶³ Иванов А. И. Город Ковров в прошлом и настоящем. Ковров, 1928. С.18.

⁶⁴ Там же. С.20.

⁶⁵ Там же. С.25.

⁶⁶ Там же. С.40–41.

⁶⁷ Там же. С.51.

Далее автор переходит к исследованию фабрично-заводской промышленности. Здесь имелось миткалево-ткацкое производство (Фабрики Андрева и Шаганова), кожевенное производство (1819 – 1-й завод купца Ф. Апарина), винокурненное производств (возникло в к. XVIII в.), мукомольное производство, кирпичное производство, известково-механическое производство (железнодорожные мастерские), чугунно-литейное производство (основатель – купец С. Шкилев, 1897 г.).

Следующий раздел посвящен перспективам развития города и его будущему. Промышленное строительство города предположено развернуть по двум важнейшим видам производств: текстильному и металлообрабатывающему⁶⁸. Кроме крупнейшей в городе бумажно-ткацко-прядильной фабрики «Абельман» в Коврове намечалась в ближайшее десятилетие постройка новой прядильной фабрики на 100 000 веретен. В области металлообрабатывающей промышленности предполагалось расширение и переоборудование чугунно-литейного и механического завода им Малеева и Канчина. По инициативе Главметалла поднят вопрос о постройке в г. Коврове текстильного машиностроения с ежегодным выпуском продукции на 27 млн. руб. Завод должен занять 6–7 тыс. рабочих. Экономический рост города привлечет новый приток населения, что повлечет за собой расширение жилищного строительства и улучшение благоустройства. Так г. Ковров с усилением своего экономического значения постепенно превратился в один из наиболее благоустроенных провинциальных городов⁶⁹.

Последней трудом, завершающей научную краеведческую работу А. И. Иванова на малой родине, был труд, посвященный истории развития изразцовых промыслов на Владимирщине, темы, казалось бы, весьма далекой от всех предшествующих исследований автора. Естественно, написанию работы предшествовало внимательное изучение автором всей литературы по теме (труды Д. Иванова⁷⁰, И. Забелина⁷¹, Н. Султанова⁷², Н. Шохина⁷³ и др. авторов). После поездки в качестве музейного работника, которая была предпринята с целью изучения местных промыслов, А. И. Иванов

---

⁶⁸ Иванов А. И. Город Ковров в прошлом и настоящем. Ковров, 1928. С. 86.

⁶⁹ Там же. С.87.

⁷⁰ Иванов Д. Искусство керамики. М., 1891.

⁷¹ Забелин И. Историческое обозрение финифтяного и ценнинного дела в России. СПб., 1853

⁷² Султанов Н. Древнерусские красные изразцы. М., 1895.

⁷³ Шохин Н. Сборник очерков и детальных рисунков русских старинных построек. М., 1872.

заинтересовался изразцовым производством, которое он посчитал особенностью местных промыслов. В своей работе автор поставил своей целью собрать и классифицировать весь материал, выявить важнейшие этапы в развитии изразцового производства, установить место производства владимирских образцов. К составлению данной работы были привлечены музейные работники Владимирщины, которые приняли участие в сборе соответствующего материала. Производство изразцов, как отметил автор в начале своей работы, относится к числу древнейших, но мало изученных промыслов⁷⁴. Появление изразцового искусства на Руси автор связывает не с влиянием Византии, а с заимствованием этого искусства у татар. Первоначально им были изучены образцы, хранящиеся во Владимирском музее, которые были в 1901 г. подарены неким П. Г. Бегеном. Описание изразцов сопровождается их рисунками, что без сомнения, улучшает восприятие предметов.

Оговоримся сразу: мы избавим читателя от того скрупулезного описания различных видов изразцов, которые осуществляет Алексей Иванович в своей работе. Это, скорее, удел искусствоведов. Для нас важно другое: насколько глубоко автор вошел в ту тему, которая, казалось бы, далека от его основной специальности и которой он ранее никогда не занимался.

Важно отметить, что с целью детального изучения изразцового искусства автору пришлось объездить многие города и посетить многие храмы и церкви (Муром, Суздаль, Александров, Гороховец, Юрьев-Польский и т.д.). Не может не удивить приводимый автором такой факт: до первой мировой войны во Владимирской губернии находилось около 400 заводов, на которых производились изразцовые, фаянсовые и фарфоровые изделия⁷⁵. В заключении автор приводит виды глины, употребляемые в керамике (огнеупорные, плавкие, обыкновенные кирпичные).

На упомянутую работу А. И. Иванова в своей рецензии кратко откликнулся Павел Михайлович Экземплярский (1884–1947), выпускник историко-филологического факультета Московского университета, краевед и архивист, занимавшийся изучением истории Иваново-Вознесенска и издавший историю родного города. Как название сборника, в котором была опубликована рецензия («Против вредительства в краеведческой литературе»),

---

⁷⁴ Иванов А. И. Забытое производство. Очерк изразцовой промышленности Владимирского края. Владимир, 1930. С.5.

⁷⁵ Там же. С. 55.

так и само название статьи («Увязка истории с современностью по-владимирски»), говорят о многом. А именно: о наступающей очередной компании против «вредителей» (на этот раз – в краеведческой литературе) с последующими увольнениями, арестами и ссылками...

Что же вызвало столь резкое несогласие автора рецензии? Во-первых, сам мотив обращения автора статьи к данной тематике. А. И. Иванов, объясняя причины обращения к данной теме, писал: «Настоящий очерк обязан своим возникновением моим научным поездкам по Владимирскому округу в качестве музейного работника... среди многочисленных памятников особенно сильно привлекли мое внимание старинные изразцы»⁷⁶. Этот мотив работы – мотив «любительства» – в краеведении, отвергаемый нашим советским краеведением – отмечает рецензент⁷⁷. Что же не устроило здесь П. Экземплярского? Видимо, то, что причина поездки по Владимирщине заключалась не в исследовании изразцов, а, наоборот, случайное обнаружение упомянутых изразцов вызвало написание данной работы. Но очевидно, что тема для А. И. Иванова была абсолютно новой и она могла родиться только после знакомства с первыми изразцами, но никак не наоборот, как это хотел бы увидеть автор рецензии. Не устраивает рецензента и данное в книжке объяснение изразцового мастерства в России, а именно – объяснение его развития с помощью самобытного духа, о котором, якобы, автору стало известно от славянофилов. «Иначе говоря, изразцовая промышленность появилась как результат особых свойств так называемой великорусской народности, сложившейся и образовавшей Московское царство в 14–16 вв.» – делает вывод рецензент⁷⁸. В заключительной главе А. И. Иванов неожиданно ставит вопрос о развитии керамической промышленности на современном этапе, но по словам П. Экземплярского, «...эта глава производит впечатление внешнего придатка к основному содержанию, которое автор развивал в этой книге». И далее следует общий вывод, который похож чуть ли не приговор суда: «практические выводы, которые необходимо сделать – это привлече-

---

⁷⁶ Иванов А. И. Забытое производство. Очерк изразцовой промышленности Владимирского края. Владимир, 1930. С.3.

⁷⁷ Экземплярский П. Увязка истории с современностью «по-владимирски» // Против вредительства в краеведческой литературе. Сб. под ред. Н. Рубинштейна и М. Зелинского. Ивановл-Вознесенск, 1931. С. 39.

⁷⁸ Там же. С. 40.

ние новых кадров в краеведение и разработка методологии краеведно-исторических исследований»⁷⁹. После подобной «рецензии» можно было ожидать и соответствующих оргвыводов. И вскоре они последовали.

С конца 1920-х годов в стране, наряду с «построением социализма», разворачивается борьба с буржуазными элементами. Эта борьба развернулась не только в центре – Москве и Ленинграде, но и по всей нашей необъятной стране. Затронула она и Владимирщину. Последовали аресты и обвинения. В числе ряда краеведов оказался арестованным и А. И. Иванов. Предъявленные ему обвинения оказались таковы: 1) активное участие в контрреволюционной группировке краеведов; 2) создание музейной контрреволюционной подгруппы, сколачивание вокруг музея антисоветского контрреволюционного архива; 3) умышленное отсутствие антирелигиозной работы и, наоборот, религиозная пропаганда раскрытых и находящихся в музее «мощей»; 4) содействие в контрреволюционной агитации церковников; 5) забота о содержании и ремонте на государственные средства действующих и закрытых монастырей и церквей, под видом реставрации памятников старины; 6) издание вредной, идеологически чуждой литературы; 7) поддержка организационной связи с контрреволюционной профессурой Москвы и Ленинграда, посылка изданий Владимирского научного общества в Чехословакию, где они получили одобрение реакционно-эмигрантских и белогвардейских кругов; 8) участие на неофициальных собраниях контрреволюционной группы, семейных вечерниках и содействии а антисоветской агитации; 9) умышленный развал отдельных краеведческих ячеек и задержка роста краеведческого общества за счет...рабочих, батраков и бедняков; 10) присвоение себе литературы как из музея, так и из помещичьих имений⁸⁰.

Абсурдность этих обвинений не вызывает сомнений. Но таков был «стиль» тогдашнего коммунистического руководства. К счастью, в это время наказания за подобные «преступления» были ещё сравнительно мягкими. Алексею Ивановичу зачли срок предварительного заключения – с июля по ноябрь 1931 г. Но страх перед карательными органами Советской

---

⁷⁹ Экземплярский П. Увязка истории с современностью «по-владимирски» // Против вредительства в краеведческой литературе. Сб. под ред. Н. Рубинштейна и М. Зелинского. Ивановл-Вознесенск, 1931. С. 39.

⁸⁰ Максимова Н. Д. Указ. соч. С. 111.

власти, который с этого времени поселился в его душе, он сохранил на всю жизнь.

В своей автобиографии А. И. Иванов писал, что с 1921 по 1931 годы он работал в должности доцента во Владимирском пединституте и сельскохозяйственном учебном комбинате, но эта сторона деятельности Алексея Ивановича, к сожалению, осталась для нас неизвестной⁸¹.

Именно здесь, на Владимирщине, Алексей Иванович женился на Варваре Дмитриевне Покровской, служащей Губернского музея. Этот брак оказался на редкость прочным и счастливым. В этом браке родились две дочери – в 1923 г. Елена, в 1925 г. – Татьяна.

Но город Владимир семья Ивановых покинула навсегда.

---

⁸¹ АСПбДА. Д.1335. Личное дело профессора А. И. Иванова. Л. 2.

ГЛАВА III

А. И. ИВАНОВ В Г. РОСТОВЕ-НА-ДОНУ (1932–1943 ГГ.)

Отработав один год в Ярославле, в местном Пединституте, в 1932 г. Алексей Иванович оказался в г. Ростове-на-Дону в Северо-Кавказском Горском Научно-Исследовательском институте краеведения на должности старшего научного сотрудника. С середины 1920-х годов Советская власть обозначила свой интерес к проблемам краеведения с целью изучения местных условий. Северо-Кавказский Горский НИИ был образован в 1927 г. в г. Ростове-на-Дону с целью изучения природных условий, экономического потенциала, истории, этнографии, языка, литературы и национальной культуры народов Северного Кавказа. Каким образом А. И. Иванов оказался в Ростове-на-Дону, кто его рекомендовал на эту должность, к сожалению, на этот вопрос мы не имеем ответа. Но как мы уже увидели, краеведческая проблематика не была чужда для Алексея Ивановича: он активно занимался ею ещё на Владимирщине.

О содержании работы А. И. Иванова в Горском НИИ сохранилось совсем немного сведений. Это была подготовка к публикации новых неизданных ранее документов по истории революционных событий на Северном Кавказе. Так, в журнале «Красный архив» в 1935 г. при непосредственном участии Алексея Ивановича были опубликованы документы, касающиеся взаимоотношений горского правительства с Германией и Австро-Венгрией, деятельности горской делегации за рубежом, взаимоотношений горской контрреволюционной администрации с английскими интервентами. Эти документы были извлечены из Северо-Осетинского областного архива и существовавшего в то время т.н. Объединенного горского исторического архива в г. Орджоникидзе. Публикации документов предшествовала вступительная статья А. И. Иванова «Горская контрреволюция и интервенты», в которой А. И. Иванов с классовых позиций со ссылками на работы В. И. Ленина вскры-

вает связи между горской контрреволюцией и Турцией, Германией и Австро-Венгрией⁸². С тематикой, разрабатываемой в Горском НИИ, без сомнения, была связана утвержденная им новая тема докторской диссертации, которую Алексей Иванович начал разрабатывать практически с «нуля»: «Чечня и Дагестан в 60–70-х гг. XIX века».

В 1935 г. Северо-Кавказский Горский НИИ был переведен в г. Пятигорск, и Алексей Иванович, оставшись в Ростове-на-Дону, полностью сосредоточился на работе в местном Педагогическом институте. В 1937 г., видимо, по совокупности опубликованным им работ ему было ВАК присвоено звание кандидата исторических наук.

Каким преподавателем был Алексей Иванович? Здесь мы располагаем воспоминаниями его двух бывших студентов по Ростовскому Педагогическому институту Н. В. Бакулиной и Б. В. Чеботарева. Как вспоминала Наталья Васильевна, после некоего «старика» Дорофеенко перечитывал курс истории средних веков «сухарь, формалист, весьма дотошный» А. И. Иванов. «Свои лекции готовил тщательно и со временем издал их в виде десяти книжечек, которые заменили студентам недостающий учебник»⁸³.

С осени 1939 г. при кафедре Всеобщей истории была открыта аспирантура и А. И. Иванов получил право научного руководства. Более того, как вспоминала Н. В. Бакулина, А. И. Иванов стал и руководителем аспирантуры⁸⁴. Первым аспирантом Алексея Ивановича стал выпускник факультета, впоследствии профессор РГУ Иван Павлович Хлыстов (1905–

---

⁸² Иванов А. И. Горская контрреволюция и интервенты // Красный архив, 1935, № 6. С. 125–128.

⁸³ Бакулина Н. В. Пасмурные дни // Донской временник. Год 2006. Ростов-на-Дону, 2005. С. 73; См.: Иванов А. И. История Средних веков. Раннее средневековье. Вып. 1. Кризис рабовладельческого строя. Ч. 1. Ростов-на-Дону, 1941.; Иванов А. И. Древний кельты, германцы и славяне. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 1941.; Иванов А. И. Западные славяне в 9–11 веках. Вып. 5. Ростов-на-Дону, 1941.; Иванов А. И. Византия в V–XI вв. Арабы в VI–IX вв. Вып. 6. Ростов-на-Дону, 1941.; Иванов А. И. Крестовые походы. Вып. 7. Ростов-на-Дону, 1941.; Иванов А. И. Западная Европа в X–XV вв. Англия и Франция в XI–XV вв. Германия в XIII–XV в. Италия и папство в XIII–XV вв. Испания и Португалия. 1–XV вв. Вып. 8. Ч. 2. Ростов-на-Дону, 1941.; Иванов А. И. Скандинавские страны в XI–XV вв. Вып. 9. Ростов-на-Дону, 1941.; Иванов А. И. Средневековая культура и зарождение буржуазной идеологии. Вып. 10. Ростов-на-Дону, 1941.; Иванов А. И. Западная Европа в XVI – начале XVIII вв. Вып. 11. Генезис капитализма в Европе и великие географические открытия. Реформация и крестьянская война в Германии. Ч. 3. Ростов-на-Дону, 1941.; Иванов А. И. Италия, Испания и Нидерланды в XVI–XVIII вв. Англия в XVI–XVIII вв. Вып. 12. Ростов-на-Дону, 1941.

⁸⁴ Бакулина Н. В. Пасмурные дни. С. 77. Видимо, с этого времени у Н. В. Бакулиной по отношению к А. И. Иванову возникли неприязненные отношения. Когда происходило зачисление в аспирантуру, он был в отпуске или отъезде, и появлением новой молодой аспирантки остался недоволен. Весь первый год её обучения в аспирантуре он не обращал на Н. В. Бакулину никакого внимания.

1994). К 1940 г. на кафедре было уже четыре аспиранта по истории средних веков, среди них была и Н. В. Бакулина.

Вообще, судя по всему научная жизнь на историческом факультете была довольно активной: проводились научные конференции, издавались сборники.

Так, 17–18 мая 1939 г. была проведена на историческом факультете научная конференция, на которой с докладом «Восстание в Чечне в 1877 г.» выступил А. И. Иванов⁸⁵. В 1941 г. под общей редакцией А. И. Иванова вышел первый выпуск сборника «Ростовский государственный педагогический институт. Ученые записки исторического факультета» (Ростов-на-Дону, 1941).

Собрав необходимый материал, Алексей Иванович начал публикацию отдельных сюжетов, которые должны были составить его докторскую диссертацию. Первой, можно сказать «пробной» статьей по вновь избранной им теме, была работа, посвященная социально-экономическому развитию чеченского народа XVIII–XIX веков. Статья полна идеологических штампов типа «национально-колониальный гнет царизма», мюридизм именуется «революционным течением», а Шамиль оказался «великим демократом». Статья, естественно, пестрит многочисленными ссылками на классиков марксизма-ленинизма. Первая статья характеризуется и слабой источниковой базой – из неопубликованных материалов задействованы лишь фонды т.н. Объединенного горского исторического архива в городе Орджоникидзе (Фонд начальника Терской области). Автор начинает статью с рассмотрения социально-экономического положения одного из «окраинных невеликорусских народностей», чеченского народа. По словам А. А. Иванова, «Чечня принадлежала к числу тех окраинных народностей царской России, которые под тяжестью национально-колониального гнета царизма задержались в своем развитии и вплоть до Октябрьской революции сохраняли в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт»⁸⁶. Он указывает на существенные различия в занятиях жителей равнинной и горных частей Чечни: если экономика первой базировалась на земледелии и от-

---

⁸⁵ Ростовский государственный педагогический институт. Ученые записки исторического факультета / под общей ред. А. И. Иванова. Вып.1. Ростов-на-Дону, 1941. С. 123.

⁸⁶ Иванов А. И. Из истории чеченского народа // Исторический журнал, 1937, № 13. С. 53.

части садоводстве, то жители горной части занимались скотоводством. Ремесло же в Чечне находилось в зачаточном состоянии и «носило домашний характер»⁸⁷. Существовавший обмен происходил на примитивном уровне: жители Чечни поставляли соседним народам хлеб, кожи мед, шерсть, воск; взамен получали шелк, изделия из железа, ткани.

Характеризуя социальные отношения в Чечне, А. И. Иванов указывает, что основная общественная единица «тайп» распалась на большие патриархальные семьи – «гаары», которые, в свою очередь, распались на малые семьи. В конечном итоге, в Чечне зародилась частная собственность на землю, а выделившаяся в процессе разложения рода племенная верхушка узурпировала власть над общинами⁸⁸. По словам автора, в чеченском обществе начала XIX века широко применялся и рабовладельческий труд. «Пополнение рабов шло не только за счет захвата военнопленных, но и путем закабаления в рабство своих соплеменников за долги», - отмечал А. И. Иванов⁸⁹. Сами рабы делились на две группы – полевых и домашних рабов, эксплуатация и тех, и других носила весьма жестокий характер. Однако в целом рабство носило патриархальный характер. На основе представленного материала (надо сказать, весьма скудного, видимо, из-за ограниченного размера статьи) автор делает вывод о том, что разложение родовой общины в Чечне привело к возникновению трех классов: родовой знати, крестьян-общинников и рабов. Все это сопровождалось ростом рабовладения, торговли и родовщичества.

Вторая часть статьи посвящена рассмотрению событий (уже ранее достаточно известных), связанных со «вторжением царизма в Северовосточный Кавказ»⁹⁰. Автор описывает «героическое сопротивление чеченского народа», а поскольку царизм опирался на местную родовую и феодальную аристократию, то освободительная борьба чеченского народа была направлена не только против внешнего врага, но и против местной «аульской верхушки, решившей вступить в соглашение с царизмом»⁹¹. Затем автор переходит к характеристике такого религиозного течения, как мюридизм, назы-

---

⁸⁷ Иванов А. И. Из истории чеченского народа // Исторический журнал, 1937, № 13. С. 54.

⁸⁸ Там же. С. 55.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 56 и сл.

⁹¹ Там же. С.57.

вая его не только «демократическим движением», но и отмечает его «революционный характер»⁹². Видимо, в этом он опирается на мнение Карл Маркса, называвшего Шамиля «великим демократом»⁹³. Рассматривая дальнейшее развитие событий, автор отмечает нарастание внутренних противоречий, который охватили «теократическую державу Шамиля». Правители отдельных областей, наибы, сконцентрировали в своих руках судебную и исполнительную власть, используя её в своих интересах. Собирая налоги с подвластного им населения, они использовали их для собственных целей, что вызывало протест со стороны беднейшего крестьянства. Все это облегчало царским войскам завоевание Чечни. В итоге, как отмечает автор, Чечня превратилась в колониальный придаток Российской империи, и сделалась «объектом беспощадного грабежа со стороны завоевателей»⁹⁴. Завершающая часть статьи посвящена казачьей колонизации, выделению общинной земли местным знатым фамилиям и восстанию в Чечне 1877 г. Статья оканчивается жизнеутверждающим выводом о том, что «только великая социалистическая революция окончательно разбила цепи национального рабства, освободила трудящихся Чечни от национального гнета, ввела их как равноправных в дружную семью народов СССР, обеспечила расцвет социалистической экономики и культуры всем народом Кавказа»⁹⁵. Естественно, под мудрым руководством партии Ленина-Сталина. Судя по содержанию материала и отдельным выводам, А. И. Иванов только приступал к её разработке и по нашему предположению, в будущем пользовался консультациями и советами своего коллеги по Ростовскому Педагогическому институту, заведующего кафедрой истории СССР Николая Ильича Покровского (1897–1946), который занимался примерно той же темой.

Следующая статья, которая продолжила цикл работ Алексея Иванова по той же тематике, была посвящена социально-экономическому и политическому положению Дагестана в XVIII–XIX веках. По словам автора, Дагестан был населен различными народами, которые находились на различных ступенях социально-экономического развития. Здесь существовали различные княжества и союзы: Тарковское шамхальство, Аварское, Мехтулинское, Казикумухское, Кюринское, Дербентское ханства, Табасаранское

---

⁹² Иванов А. И. Из истории чеченского народа // Исторический журнал, 1937, № 13. С. 58.

⁹³ См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. т. XII. 1931. С. 52; Иванов А. И. Указ. Соч. С. 58.

⁹⁴ Там же. С. 59

⁹⁵ Там же. С. 64.

майсумство (названия «шамхальство, ханство, уцмийство и майсумство произошли от титулов правителей этих самостоятельных владений) и несколько десятков самостоятельных союзов – Даргинский, Акушинский, Анкратльский, Ункратльский и т.д.).

Наиболее развитым в социально-экономическом развитии был Приморский Дагестан, располагавшийся в основном на береговой низменности. На севере его проживали кумыки и ногайцы, а на юге – дербентские и азербайджанские тюрки. Основу экономики района составляло земледелие. Здесь выращивали пшеницу, ячмень, просо и кукурузу. Помимо культивирования зерновых культур, местные жители занимались садоводством, огородничеством и даже виноградарством. Здесь существовали промыслы по добыче соли и нефти. Северная часть приморской низменности славилась развитым скотоводством⁹⁶.

Относительно богатые архивные материалы, освящающие историю Кумыкии и отложившиеся в существовавшем в тот период т.н. Центральном Архивном Управлении Грузинской ССР, стали объектом анализа со стороны ученого.

В Кумыкии, находившейся на обширной равнине между Тереком и Сулаком, по словам ученого, ещё до XVIII в. завершился процесс разложения родового строя и превращения земли в предмет купли-продажи. До начала XIX в. здесь существовало и рабство, которое затем начинает сменяться феодальными отношениями. С XVIII в. кумыкская знать пользовалась поддержкой русского царизма. В конечном итоге вся занимаемая кумыками земля (несколько сот тысяч десятин) оказалась в руках 60 собственников. Лишившись земли, все остальное кумыкское и отчасти ногайское население, оказалось в зависимости от этих собственников. Кумыкские князья достигли такой степени могущества, что подчинили себе северо-восточные районы Чечни, заставив их население платить дань⁹⁷.

На основе архивных документов автор вычленяет социальную структуру кумыкского общества. В самом верху социальной лестницы стояли бии или беки, которые владели как землей, так и политической властью. Ступенькой ниже стояли т.н. джанки или чанки. Так именовали детей от браков

---

⁹⁶ Иванов А. И. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Исторический журнал, 1940, № 2. С. 62.

⁹⁷ Там же. С. 63.

с женщинами из более низшего сословия. Земли получали от беков, но своих вассалов (узденей) не имели. К третьей группе относились т.н. сала-уздени или уллу-уздени. Как и первые две привилегированные категории, они владели землями, рабами и крепостными крестьянами.

В свою очередь крестьянство также делилось на ряд категорий: 1) кулы и каравашы; 2) чатары; 3) терекемейцы; 4) дегерек-уздени; 5) простые уздени. Представители первой категории представляли из себя пережиток патриархального рабства, типа холопов. Их можно было купить, продать, обменять, при этом даже разлучив с семьей. Они не имели своей собственности – вся она принадлежала их хозяевам. Представляющие вторую категорию – чагары, состояли частично из посаженных на землю рабов, частично из свободных, но безземельных крестьян. Лишать их жизни хозяева не имели права. Третья группа зависимых – терекемейцы или теркемэ. Это лично свободные люди, арендовавшие земли у хозяев, за что они должны были работать на барщине или платить оброк. Со временем большая часть терекемейцев перешла на положение чагаров. И, наконец, свободные уздени, жили либо на собственных, либо на землях феодалов и несли некоторые повинности. Такова, по мнению автора, социальная структура кумыкского общества⁹⁸.

Затем автор переходит к рассмотрению находящегося к югу от Кумыкии Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства. Первое являлось одним из самых древних и крупных княжеств Дагестана. Упоминание о нем содержалось ещё в арабских источниках. В русских источниках шамхалы впервые упоминаются в XVI в. В их владения входили все области Северо-Восточного и Среднего Дагестана. Однако в связи с его ослаблением от него отпали Даргинское и Койсубулинское вольные общества, Мехтулинское ханство и ряд других территорий. К началу XIX в. Под властью шамхала находилось 14 селений в составе 5310 дымов, и 346 дымов, кочующих в шамхале ногайцев, с общим количеством населения до 30 тыс. человек.

Выделившееся из шамхальства в XII в. Мехтулинское ханство включало в себя около десяти селений с общим количеством жителей до 10 тыс. человек. Политический строй Мехтулы характеризовался господством феодально-крепостнической системы. Крестьяне, работавшие на ханской земле,

---

⁹⁸ Иванов А. И. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Исторический журнал, 1940, № 2. С. 64.

должны были пахать и засеивать ханское поле, снимать урожай, обрабатывать ханские сады. Наряду с отработочной рентой существовала и продуктовая рента.

Теми же чертами развитого феодализма, по словам автора, характеризовалось социально-экономическое развитие народов Южного Дагестана, проживавших на т.н. Терекемейской равнине. Эта область входила в состав Дербентского ханства и частично в состав Каракайтагского уцмийства и Табасаранского майсумства. Земельные владения здесь разделялись на три вида: 1) общественные (возделывались совместно группами лиц); 2) мюльки (земли расчищенные из-под лесов); 3) ятаги или кутаны бекские (бывшие ранее свободными, но затем превращенные в бекские распашки)⁹⁹. Из зависимых категорий населения источники упоминают т.н. райятов, над которыми беки имели неограниченную власть. Анализируя социально-экономическое положение Южного Дагестана, автор приходит к выводу, что в конце XIX века этот регион переживал экономический подъем, связанный с успешным развитием земледелия, скотоводства, ремесла и торговли.

Несколько иную картину, по словам А. И. Иванова, представляло социально-экономическое развитие Среднего Дагестана, населенного даргинцами, аварцами, казикумуцами (или лакцами). Основой экономики этого района было скотоводство, значительный вес в котором занимало овцеводство. Земледелие здесь играло незначительную роль. Наличие значительного количества шерсти привело к развитию кустарного производства. Здесь производились бурки, ковры, сукно. Кроме шерстяной промышленности важное место в экономике региона занимала обработка металлов – выделка оружия, лудильно-паяльное дело, а также обработка дерева, камня, гончарное и кожевенное ремесла. Торговля играла здесь незначительную роль. Центрами её были аулы Чох, Буртунай, Согратль, Аракань. Преобладание в экономике скотоводства задерживало, по мнению автора, процесс общественной дифференциации.

Теми же путями шло развитие Аварии, история которой до XVIII века была практически неизвестна. Среди аварских обществ наиболее сильным являлось общество Хунзах, занимавшее возвышенность в самом центре Дагестана. Хунзахцы избирали вождя, который именовался нуцалом, власть

---

⁹⁹ Иванов А. И. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Исторический журнал, 1940, № 2. С. 65.

которого в ходе грабительских походов постоянно усиливалась. Зависимым населением здесь являлись т.н. кулы, посаженные на землю рабы.

Аналогичную картину представляли из себя районы южного Дагестана, населенные лезгино-самурскими районами. Это Кайтаго-Табасаранский, Кюринский и Самурский районы. Основу хозяйства района составляло овцеводство, в отдельных аулах занимались хлебопашеством, садоводством. Пчеловодством и сбором орехов. В незначительной мере была развита кустарная промышленность, связанная с выделкой ковров, глиняной и деревянной посуды, а также выделкой оружия. В общественной жизни местного населения продолжала играть главную роль родовая община. Отдельные общины объединялись в союзы – магалы. Магал стал суверенным собственником земли, который распределял земельные участки между общинами.

Но самым отсталым по своему социально-экономическому развитию, по мнению автора, был Верхний или Западный Дагестан, населенный андийскими или дидойскими племенами. Основным занятием жителей было отгонное овцеводство, а производство здесь носило исключительно натуральный характер. Местные общины не знали классового деления. Руководящую роль во всех делах верхнедагестанских аулов играл джамаат – народное собрание.

Подводя итоги своему исследованию, автор делает вывод о «чрезвычайной пестроте общественной структуры дагестанских народов, обусловленной разнообразием условий производства и факторами исторического порядка»¹⁰⁰. Однако полу-патриархальный, полу-феодальный характер общественных отношений не исключал, а лишь обуславливал здесь особенности развертывания классовой борьбы. Неразложившаяся родовая община оказывала сопротивление натиску феодальной верхушки. Нагорный Дагестан стал центром мюридистского движения, направленного как против местной феодальной знати, так и против захватнической политики крепостнической России.

Как отмечает автор, возвышение и укрепление местной феодальной верхушки было неразрывно связано с завоеванием Кавказа царизмом.

---

¹⁰⁰ Иванов А. И. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Исторический журнал, 1940, № 2. С. 70.

Именно при поддержке царской администрации в ряде округов происходило назначение беков¹⁰¹. Вообще, бытовавшие в тот период идеологические штампы четко проявились в упомянутой статье. Так, царское командование называется «союзником местных феодалов в борьбе с крестьянством», сопротивление местного населения против наступающих царских войск – «классовой борьбой горских трудящихся масс», а юридикализм рассматривался не иначе, как «социально-политическое движение под религиозной оболочкой, направленное против царизма и местной феодальной-родовой аристократии»¹⁰².

Однако автор не всегда последователен, что можно объяснить недостаточным знакомством с новой для него темой. С одной стороны он пишет о том, что «национально-колониальный гнет царизма давил горцев и производил опустошения в горских областях», с другой стороны, по его мнению, «для этих народов Россия играла прогрессивную роль: «в России с необычайной быстротой росли торговля и промышленность, а «горские народы связывались с метрополией железными дорогами, почтой и телеграфом»¹⁰³.

Следующий сюжет, который был изложен в форме статьи и должен был в будущем лечь в основу его докторской диссертацией, был посвящен восстанию в Чечне в 1877 г. Свою статью А. И. Иванов начинает с анализа той социально-экономической обстановки, которая сложилась в Чечне накануне восстания. Статья начинается со ставшей уже канонической в марксистской литературе идеи о том, что колонизация царизма сопровождалась эксплуатацией трудящихся Восточного Кавказа. Царское правительство не только отнимало у трудящихся чеченцев столь жизненно необходимые им земли, но и «... давило покоренное туземное население непосильными налогами»¹⁰⁴. Капитализм проник в Чечню в форме ростовщического и торгового капитала, что практически не привело к разрушению здесь старых патриархальных отношений. Все это сопровождалось процессом расслоения: «с одной стороны, шло массовое обеднение горского крестьянства, а с другой крепла верхушечная прослойка: кулаки, торговцы, ростовщики»¹⁰⁵

---

¹⁰¹ Иванов А. И. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Исторический журнал, 1940, № 2. С. 69.

¹⁰² Там же. С. 71.

¹⁰³ Там же. С. 72.

¹⁰⁴ Иванов А. И. Восстание в Чечне в 1877 г. // Исторические записки АН СССР. Т.Х. 1941. С. 280.

¹⁰⁵ Там же. С. 281.

Наиболее тяжелым было положение трудящихся в горной Чечне, которая стала очагом «национально-освободительного движения». Восстание, которое началось одновременно с русско-турецкой войной, прошло ряд этапов. Первый этап, по словам автора, продлился с начала апреля до начала мая. Во главе движения стал 22-летний Алисбек-Хаджи Алданов. Восстание быстро охватило 47 аулов Ичкерии с населением в 18 тыс. человек. Первоначально восстание развивалось успешно, и одной из причин этого была недоукомплектованность находящихся здесь гарнизонов. Были прерваны все коммуникации и связь между отдельными районами Чечни. После нескольких поражений царское командование, осознав серьезность положения, перебросило из Владикавказа в Чечню Таманский пехотный полк. Одновременно к Грозному стягивались все запасные части из окрестных станций. Решающее сражение завершилось поражением восставших под Шали.

Второй этап восстания, по словам А. И. Иванова, начинается с середины мая и длится до конца июля¹⁰⁶. Но к этому времени царское правительство успело сконцентрировать в Чечне значительные силы: 28 пехотных батальонов и 6 команд в количестве 24.400 тыс. чел., 16 казачьих сотен в количестве 2261 чел., 11 сотен постоянной местной милиции и 104 орудия. Располагая такими силами, русские перешли от обороны к наступлению. 10 мая 1877 г. наступление на Ичкерию началось сразу с нескольких сторон, но подавить восстание до конца не удалось и на этот раз. Восставшие сохранили свои силы и новый этап восстания начался с июля по август. Этот этап был связан с усилением турецкой пропаганды. Однако местная верхушка и духовенство перешли на сторону самодержавия. Местное население, по словам автора, теперь выступает как против царизма, так и против «своих эксплуататоров»¹⁰⁷.

Не жалея эпитетов, автор описывает те зверства, которые продемонстрировали царские войска при подавлении восстания. Это и «выселение целых аулов на плоскость» (видимо, имеется в виду равнина – *С.К.*), это и военно-полевые суды, приговорившие руководителей восстания к смертной казни через повешение¹⁰⁸. Но, как можно и предполагать, жертвы, понесенные «трудящимися горскими массами», оказались не напрасными: «в

---

¹⁰⁶ Иванов А. И. Восстание в Чечне в 1877 г. // Исторические записки АН СССР. Т.Х. 1941. С. 285.

¹⁰⁷ Там же. С. 288.

¹⁰⁸ Там же. С. 293.

борьбе против царизма, национального гнета помещиков и капиталистов спланивались горские массы, завязывалась крепкая дружба между горскими народами и передовой частью великого русского народа. Под руководством большевистской партии классовое сознание трудящихся масс Чечни все более прояснялось. Великая Октябрьская социалистическая революция нашла себе верную опору в трудящихся массах Чечни»¹⁰⁹. Добавим, что данная статья уже прочно опиралась на неопубликованные ранее документы из архива Северо-Осетинской АССР.

Верил ли А. И. Иванов в то, что писал? Ведь до немецко-фашистской оккупации и добровольного прихода к ним на службу ученого оставалась чуть более года. Думается, ответ понятен.

Следующая статья А. И. Иванова по содержанию тесно примыкает к рассмотренной выше. Если уж быть более точным, она является расширенным вариантом статьи о восстании 1877 г. в Чечне. Новым является здесь привлечение «дагестанского материала»¹¹⁰. Свою статью автор снова начинает с описания социально-экономического развития Чечни и Дагестана.

Однако, если в рассматриваемой ранее статье содержится информация о восстании в Чечне 1877 г., то на этот раз здесь речь идет о более ранних событиях – восстаниях.

Что в этой статье мы находим нового? Здесь мы наблюдаем расширение источниковой базы исследования за счет привлечения новых источников из (будем следовать существующим на тот момент названиям архивов) Центрального архивного Управления Грузинской ССР. Естественно, это привело к значительному увеличению объема статьи, при этом его концепция и содержащиеся в статье выводы остаются неизменными. Рассматривая причины покорения Дагестана и Чечни Россией, автор приходит к выводу, что оно «...имело целью прежде всего превратить Кавказ в сырьевой придаток метрополии. Помещики и кулаки захватывали лучшие плоскостные и предгорные земли, на которых разводились ценные для экспорта культуры полеводства, виноградарства, табаководства и мареноводства»¹¹¹.

По сравнению с прошлой статьей автор более подробно останавливается на проникших в Южную Чечню и Дагестан религиозных течениях.

---

¹⁰⁹ Иванов А. И. Восстание в Чечне в 1877 г. // Исторические записки АН СССР. Т.Х. 1941. С. 294.

¹¹⁰ Иванов А. И. Национально-освободительное движение в Чечне и Дагестане в 60-70-х гг. XIX в. // Исторические записки АН СССР. Т.ХII. 1941. С. 165–199.

¹¹¹ Там же. С. 173.

В Чечне оно получило название «зикр», в Дагестане – «джазм», которые, по сути, не отличались от господствовавшего во времена Шамиля мюридизма. В качестве основных требований всех этих учений выступали «требования суровой аскетической жизни, нестяжания, покаяния, молитвы и безусловного послушания своему наставнику»¹¹². Но наряду с этим выдвигались идеи равенства всех мусульман и борьбы с неверными.

Что ещё мы здесь находим нового по сравнению с опубликованными ранее статьями? Борьба горцев против России рассматривается в контексте международных отношений, а именно – новым обострением отношений между Россией и Турцией после поражения первой в Крымской войне. Получая поддержку от Турции, а через неё и англичан, горцы возобновили войну с Россией. И здесь автор впервые привлекает ряд важных документов из фондов Военно-исторического архива.

Но что, на наш взгляд, не может не удивлять: в борьбе между Россией и поддерживаемыми её противниками - Турцией и Англией горцами, симпатии автора явно на стороне последних: именно они являются «революционной силой в национально-освободительной борьбе горцев против царизма»¹¹³. И как всегда, пара-тройка «дежурных» ссылок на труды «товарища Сталина»¹¹⁴.

Хотелось бы отметить ещё одну важную черту статьи А. И. Иванова: в них исключительно на основе источников тщательно, насколько это возможно, реконструируется ход боевых действий. Нельзя не признать, что в целом это является сложной задачей, с которой Алексей Иванович успешно справился.

С некоторыми незначительными изменениями статья А. И. Иванова (естественно, под другим названием) была опубликована в упомянутом ранее выпуске Ученые записки исторического факультета Ростовского педагогического института¹¹⁵. В ней мы также наблюдаем развитие темы «вширь», т.е. за счет приращения вновь обнаруженного архивного матери-

---

¹¹² Иванов А. И. Национально-освободительное движение в Чечне и Дагестане в 60-70-х гг. XIX в. // Исторические записки АН СССР. Т. XII. 1941. С. 175.

¹¹³ Там же. С. 187.

¹¹⁴ Там же. С. 165, 196, 198.

¹¹⁵ Иванов А. И. Социально-экономическое положение Чечни и Дагестана в 60–70 гг. XIX века // Ростовский-на-Дону Государственный Педагогический институт. Ученые записки исторического факультета. Т. 1 / под общей ред. А. И. Иванова. С. 21–54.

ала. Об этом свидетельствуют ссылки на неиспользуемые ранее автором документы из фонда землеустройства Центрального архивного Управления Чечено-Ингушской АССР. И здесь автор впервые дает характеристику имеющегося в его распоряжении источникового материала: «...в нашем распоряжении имеются богатейшие материалы комиссий по сословным и земельным делам, созданных царским правительством в связи с проведением реформ на Кавказе. Материалы эти, хранящиеся в архивах национальных кавказских республик..., представляют собой источник исключительной важности. Ценность их заключается, прежде всего, в том, что в них содержатся обширные исторические справки о социально-экономическом строе отдельных горских обществ до прихода на Кавказ царизма, с указанием часто тех изменений, которые вносило в этот строй царское завоевание»¹¹⁶. Именно эти материалы позволяют показать специфические особенности социально-экономического развития каждого из рассматриваемых районов. А т.н. фонды сословно-поземельных комиссий содержат не только показания представителей местной феодально-родовой земледельческой знати, но также заявления и жалобы представителей рядового крестьянства, зачастую противоречащие показаниям знати.

И в этой статье А. И. Иванов (опять-таки, руководствуясь «меткими и «глубокими» указаниями Ф. Энгельса) также начисто отрицает какую-либо цивилизаторскую роль присоединения Чечни и Дагестана к России. «Просвещение», «либерализм», «освобождение народов» – всего лишь предлог для грабежа, насилия, всякого угнетения со стороны царизма. Царское завоевание Северо-Восточного Кавказа, по мнению автора, не несло его жителям ничего хорошего. Вместе с национальным гнетом оно лишь усилило внутреннюю классовую дифференциацию и классовое угнетение¹¹⁷. С подобной точкой зрения автора едва ли можно согласиться.

Ещё одно новшество, которые мы находим в данной статье А. И. Иванова – его резко отрицательное отношение к казачьей колонизации. В результате неё, по словам автора, «значительная часть плодородных земель чеченской плоскости и предгорий занята была казачьими станицами, которые раскинулись на землях карабулаков, галашевцев, ауховцев, салатовцев.

---

¹¹⁶ Иванов А. И. Социально-экономическое положение Чечни и Дагестана в 60–70 гг. XIX века // Ростовский-на-Дону Государственный Педагогический институт. Ученые записки исторического факультета. Т. 1 / под общей ред. А. И. Иванова. С.21.

¹¹⁷ Там же. С. 22.

Местное население было выселено в горы»¹¹⁸. Не жалея ярких красок, автор рисует картину обезземеливания и обнищания горской бедноты, подводя тем самым читателя к идее о неизбежности их борьбы, как против царской администрации, так и против своих местных угнетателей.

Анализируя статьи А. И. Иванова, можно прийти к выводу, что он «входил» в новую тему постепенно. От статьи к статье разнообразятся сюжеты исследования, расширяется источниковая база, интереснее и глубже становятся выводы по теме.

Судя по некоторым данным, к 1941 г. докторская диссертация была не только полностью написана А. И. Ивановым, но и представлена рецензентам, которые дали положительное заключение¹¹⁹. Можно предполагать, что укладываемая в русло существовавшей на тот момент концепции марксистско-ленинской теории классово-борьбы, она была бы им успешно защищена. Но начавшаяся Великая Отечественная война не только задержала защиту диссертации, она сделала её невозможной по определению, ибо рукопись диссертации А. И. Иванова была утрачена безвозвратно. Но трагизм положения, в котором оказался Алексей Иванович и его семья, оказался не только в этом.

Судя по всему, А. И. Иванов настороженно относился к Советской власти. По свидетельству К. М. Антич, урожд. Миллер, в 1920–1930-е годы он жил в постоянном страхе из-за своего происхождения, из-за первого, хотя и кратковременного ареста, из-за той обстановки массовых репрессий, которая охватывала всю страну. Он чувствовал себя ответственным не только за себя, но за свою семью. Поэтому приход немцев рассматривался им как освобождение от большевистской диктатуры. Но зная нерешительный характер А. И. Иванова, можно предположить, что и в этом случае он испытывал определенные сомнения и колебания.

---

¹¹⁸ Иванов А. И. Социально-экономическое положение Чечни и Дагестана в 60–70 гг. XIX века // Ростовский-на-Дону Государственный Педагогический институт. Ученые записки исторического факультета. Т. 1 / под общей ред. А. И. Иванова. С. 24.

¹¹⁹ Так Д. А. Карпун, обнаруживший эту информацию в архиве СПбДА, в качестве рецензентов называет фамилии Е. А. Мороховца (1880–1941) и К. В. Сивкова (1882–1959). (Мороховец Евгений Андреевич – профессор МГУ, ученый секретарь Института истории РАН ИОН. Константин Васильевич Сивков – заведующий отделом Исторического музея, научный сотрудник Института истории. Оба – специалисты по истории крестьянского движения в России). См.: Карпун Д.А. Указ. соч. С. 227.

Факт, что А. И. Иванов добровольно пошел на службу к фашистам, не подлежит сомнению. Он подтверждается всеми имеющимися в нашем распоряжении источниками. Как пишет Н. В. Бакулина, ведущий специалист исторического факультета А. И. Иванов «перестал выходить на работу и спрятался где-то, как выяснилось позже, в ожидании оккупантов». Интересно, что об этом, по словам Натальи Васильевны, она узнала от старичка-латиниста, учившего латыни аспирантов-медиевистов. «Иванов занял пост заведующего отделом школ и церковей при созданном немцами городском управлении»¹²⁰. По словам самого А. И. Иванова, «с августа 1942 по февраль 1943 г. состоял сотрудником отдела Народного образования в г. Ростове-на-Дону на оккупированной территории»¹²¹. В феврале 1943 г. А. И. Иванов вместе со своей семьей – супругой Варварой Дмитриевной и дочерьми Татьяной (1923 г.) и Еленой (1925 г.) накануне прихода Красной Армии покинули Ростов-на-Дону вместе с отступающими немецкими войсками. По словам К. М. Антич, желающих покинуть Ростов-на-Дону забрали с собой немецкие солдаты, предоставив им место в своих грузовиках. Семьи Миллеров и Ивановых добрались до Украины, где их пути разошлись. Миллеры оказались в Днепропетровске, а уже затем, через полгода им удалось перебраться во Львов, где они проживали в охраняемом немецкими солдатами квартале. Ивановы же оказались в Виннице, где дочерям Алексея Ивановича удалось устроиться на работу. Винница, судя по всему, произвела на Ивановых самое благоприятное впечатление. «Винница город тихий, с красивыми окрестностями, живописным Бугом, и обилием фруктов. В культурном отношении маленький городок: один городской музей, правда довольно уютный и интересный состоит из портретной галереи, преимущественно вывезенных из окрестных магнатских замков предметов, посуды и мебели. Дальше идут украшения, вышивки и писанки и ещё дальше идет отдел краеведения. Есть здесь и домик-музей Коцюбинского с роскошным садом и цветником. Вообще в Виннице очень много цветов, очень красивые и душистые. Домики здесь очень уютные, беленькие с садами, и всегда около домика цветничек с пестрыми и душистыми цветами. Мы живем в части города, которая называется «Старый город», очевидно потому что здесь и был

---

¹²⁰ Бакулина Н. В. Пасмурные дни. С. 81.

¹²¹ АСПБДА, Д. 1335. Личное дело профессора А. И. Иванова. Л. 2.

древний центр города. Мы живем в маленьком домике около старинной деревянной церкви, которой уже больше 200 лет. Очень красивой архитектуры с маленькой колокольной и очень красивой галереей вокруг. Вся она деревянная, сделанная топором, с красивыми хорами и старинными иконами. Особенно чудотворная икона Николая Чудотворца. Очень красивы церковные кресты и ели и березы. Все в восторге от старообрядческой церкви и немцы постоянно её рисуют. Служба в церкви ведется на русском языке....Здесь также очень уютный театр. Но большую часть дней в неделю играет для немцев....У нас огород, много моркови и капусты, совсем сельская обстановка», - так описала пребывание в Виннице в своем письме, адресованном Ксении Михайловне, Елена Алексеевна Иванова.

Но фронт приближался, и они вынуждены были пробираться дальше на запад. Но здесь пути семей Миллеров и Ивановых окончательно разошлись: Миллеры уехали в Вену, а семья Ивановых оказалась в Праге.

Начались полные трудностей и опасностей годы скитальчества на чужбине, хотя первоначально Прага произвела на Ивановых неизгладимое впечатление.

Здесь, при описании пребывания Ивановых в Праге мы снова опираемся на уникальный и своеобразный исторический источник – письма, адресованные дочерью А. И. Иванова Еленой семье Миллеров, которые были любезно предоставлены нам Ксенией Михайловной Антич, за что мы выражаем ей искреннюю благодарность.

«Город очаровательный, сплошной музей. Замечательные улицы, мосты (особенно Карлов), Собор св. Вита, здание Ратуши, главный музей, опера, национальный театр, набережная – все очаровательно и красиво. Часть мы уже осмотрели, но осталось ещё много интересного», - писала в письме Миллерам Елена Алексеевна.

Судя по тому же письму, довольно сносными были и предоставленные им бытовые условия. «Квартиру мы получили очень хорошую. Три комнаты, очень просторная кухня с балконом, широкий коридор и всякие кладовые и кладовочки. Ванная, к сожалению, старинная, очень красивая со ступеньками с цветным кафелем, но и колонкой, а газ, очевидно, провести будет трудно. Но здесь роскошные Карловы бани, а также на вокзале, который от нас недалеко, всегда можно выкупаться. Свет и газ уже починили. Район хороший, центр, но улица тихая, рядом набережная, Карлов мост, тут

же трамвайная остановка, старая ратуша, русский собор, здание филармонии, и папина библиотека, а также много магазинов, что очень удобно маме. Одним словом, все блага земли», – так описывала Е. А. Иванова бытовые условия, в которых оказалась их семья. «Здесь масса кино, на одной главной улице чуть ли не шесть. Бывают очень хорошие концерты, но это все у нас ещё впереди», – добавляет она.

Как можно судить из других пассажей, Ивановы старались наладить контакты с представителями местной русской общины. «Очень размеренно и не торопясь здесь живут, все спокойные и веселые. Сегодня мы получили билеты на заутреннюю в собор. Хор здесь хороший и вся служба, мама говорит, как бывало. Да, и весь собор, все люди – это страничка былого. Все очень хорошие и общительные». Вообще, Ивановы, будучи людьми глубоко верующими, активно участвовали в религиозной жизни русской общины. В ночь с 13 на 14 января под Новый 1945 г. год они посетили торжественный молебен. А после всенощной до молебна посетил их семью владыка.

В своем письме, адресованном семье Миллеров, от 19 ноября 1944 г. дочь А. И. Иванова Елена сетует что Миллеры живут не в Праге, где «...ещё так хорошо и спокойно». Единственное неудобство, по словам Е. А. Ивановой, заключается в том, что не работают все высшие учебные заведения, в том числе и консерватория, где сестры Ивановы рассчитывали продолжить свое музыкальное образование.

Но так ли идеальна была та картина, которую описала в своих письмах Е. А. Иванова, тогда молодая девушка – студентка консерватории? Да, Прага действительно находилась в стороне от военных действий, на её земли не падали бомбы, но фронт неумолимо приближался и у старшего поколения это не могло не вызывать тревогу.

А в январе 1945 г. семью Ивановых вообще ждала неприятная неожиданность: 55-летний Алексей Иванович был призван немцами на военную службу! «Шестого утром мы проводили папу на действительную военную службу. Ни болезнь его, ни хлопоты, ничто не помогает. Сегодня получили письмо, прибыл на место, получил обмундирование, скоро начнутся занятия. А вспомнишь его неприспособленность и незнание военной службы, прямо страшно становится», – писала в своем письме к К. М. Антич, дочь

Алексея Ивановича Елена от 10 января 1945 г.¹²² Будучи человеком исключительно гражданским, А. И. Иванов тяжело переживал этот «призыв». Но во время учений он подружился с неким уроженцем Петербурга, бывшим офицером Гвардейского Преображенского полка, что немного скрасило его пребывание на службе. «Учение идет быстро, что потом – никто не знает. Он (А. А. Иванов – С. К.) хочет переосвидетельствоваться медицински, но...», - писала в своем письме от 10 января 1945 г. супруга Алексея Ивановича Варвара Дмитриевна. Слишком уж плохо дела шли у нацистов, раз они стали призывать в армию совсем не подготовленных пожилых мужчин. Но Бог хранил Алексея Иванович и вскоре он целым и невредимым вернулся к своей семье.

По словам Ксении Михайловны Антич, её отец М. А. Миллер, осознавая надвигающуюся опасность в лице приближающейся Красной Армии, специально ездил из Вены в Прагу, чтобы забрать туда Алексея Ивановича с семьей, но по неизвестной причине они туда не поехали. И вскоре наступила трагическая развязка. 24 сентября 1945 г. органами СМЕРШ 5-й Гвардейской армии в г. Мельник в Чехословакии на основании поступивших материалов А. И. Иванов был арестован¹²³. После ареста он был этапирован в Следственный изолятор МВД по Ростовской области. Набор предъявленных ему обвинений был довольно обширный и за каждое из них по отдельности могло последовать самое суровое наказание. Далее – сухие строки из документов, хранящихся в Архиве УФСБ по Ростовской области.

В приговоре обвинительного заключения военного трибунала МВД по Ростовской области от 18 июля 1946 г. говорилось: «Иванов оставался проживать на временно оккупированной территории в г. Ростове-на-Дону, добровольно поступил на службу к оккупантам на должность заведующего подотделом вероисповеданий и библиотек Отдела народного образования при бургомистерстве г. Ростова-на-Дону. Будучи заведующим подотдела вероисповеданий и библиотек с августа 1942 по февраль 1943 г., с исключительным рвением Иванов относился к возложенным на него обязанностям, возглавил руководство восстановлением церквей, используемых немецкими оккупантами для проведения широкой антисоветской пропаганды среди

---

¹²² Письмо хранится в архиве К. М. Антич-Миллер (копия у автора)

¹²³ Бакулина Н. В. Пасмурные дни. С.81. Но о том, что А. И. Иванов вышел на свободу, отбыв пятилетний срок заключения, она так и не узнала. «Вышел он из лагерей или там остался навсегда, я не знаю», – писала она.

населения г. Ростова-на-Дону. Руководя всеми библиотеками г. Ростова-на-Дону, Иванов имел связь с представителем штаба Розенберга – Рек, которому Иванов содействовал в отборе ценной литературы для вывоза её в Германию.

По роду своей деятельности Иванов имел связь с немецкими карательными органами – полицией, СД и комендантом г. Ростова-на-Дону – немецким генералом Китель, последнему Иванов преподнес в октябре 1941 г. ценный подарок от имени т.н. «благодарного духовенства» г. Ростова-на-Дону.

В конце 1942 г. Иванов принял участие в проводимом заместителем шефа зондеркоманды СС-10-А Эмерих совещании, на котором Иванов выступил с антисоветской клеветой на политику Советской власти.

Пользуясь доверием оккупационных властей, Иванов был введен в состав комиссии белогвардейского малого казачьего круга при ростовском представительстве штаба «Войска донского», возглавляемого изменником родины – полковником Белой армии Однораловым и в январе 1943 г. дважды участвовал в работах, совещаниях вышеупомянутой комиссии. При разработке на совещании проекта управления Донской области в условиях немецкой оккупации, Иванов выступил с призывом усилить помощь походному атаману «Войска донского» для борьбы с Коммунистической партией. Кроме того, Иванов на протяжении сентября 1942 г. до января 1943 г. активно сотрудничал с издававшийся в Ростове-на-Дону фашистской газетой «Голос Ростова», писал в газете антисоветские статьи клеветнического характера, где возводил клевету на Коммунистическую партию, Советскую власть, на еврейскую национальность, восхваляя при этом фашистский строй.

В феврале 1943 г. Иванов совместно со своей семьей бежал в немецкий тыл – в Германию, получил паспорт иностранца, дающий право свободно передвигаться по всей территории Германии, затем переехал на жительство в Чехословакию – в Прагу. Иванов значится членом конгресса ученых, писателей и деятелей искусства, изменивших Родине, руководителем которого в Праге был изменивший Родине Власов»¹²⁴.

Одно сохранившееся косвенное свидетельство позволяет предположить, что Ивановы в Праге не только связывали с генералом Власовым определенные надежды, но и имели некоторые контакты с его соратниками.

¹²⁴ Архив УФСБ по Ростовской области. Дело П-57548. Т. 1. Л.Л. 24–25.

Так, в своем письме от 19 ноября 1944 г., адресованном семье Миллеров, дочь Алексея Ивановича Елена писала: «Все русские умы сейчас заняты исключительно Власовским движением. Масса обсуждений и предположений. Папа воспрянул духом. Вчера нам принесли первый выпуск газеты «Народная воля» (здесь автор письма немного неточна: речь идет о первом номере изданной в Берлине в 1944 г. власовской газете «Воля народа» - С. К.). Читали манифест и одобряли» (речь идет о т.н. власовском манифесте «Комитета освобождения народов России», призывающем все народы России объединиться для борьбы с большевизмом – С. К.). И далее она делает важное добавление: «Эмигранты, конечно, не все одинаково к этому относятся». А это означало, что не все русские эмигранты разделяли идеи Власова. И Ивановы к ним явно не относились.

В ходе следствия против А. И. Иванова было выдвинуто ещё одно обвинение: «руководил всей профашистской деятельностью церковников города Ростова-на-Дону и Ростовской области и назначением священнослужителей на церковные должности»¹²⁵. Это обвинение, которое сегодня звучит просто нелепо (спрашивается, как светское лицо «областного уровня» могло назначать духовных лиц на церковные должности?), не вошло в текст обвинительного заключения, и причина этого видится в изменении отношения Советской власти и лично И. В. Сталина к духовенству страны, внесшему свой вклад в общую победу над фашизмом.

Но выдвинутых обвинений хватило для того, чтобы по одной статье приговорить А. И. Иванова к десяти годам с поражением в правах, а по другой – к пяти годам с конфискацией имущества. Срок наказания обвинения было решено исчислять с 27 сентября 1945 г.¹²⁶

Известно, что А. И. Иванов признал только часть выдвинутых против него обвинений, категорически отвергнув остальные, а его супруга Варвара Дмитриевна начала борьбу за смягчение приговора. В своих воспоминаниях Н. В. Бакулина, упоминая об аресте своего бывшего научного руководителя, пишет: «помню, его жена имела наглость приходить в институт и просить сотрудников о помощи мужу»¹²⁷. Как человек, переживший все ужасы фашистского оккупационного режима, Наталья Васильевна не могла

---

¹²⁵ Архив УФСБ по Ростовской области. Дело П-57548. Т.1. Л. 19.

¹²⁶ Там же. Л. 20.

¹²⁷ Бакулина Н. В. Пасмурные дни. С. 81.

понять человека, добровольно пришедшего на службу к гитлеровцам. Но мы можем понять и Варвару Дмитриевну Иванову, использовавшую все средства для спасения своего супруга. По всей вероятности, её борьба имела успех, ибо срок заключения Алексею Ивановичу был сокращен до пяти лет, а затем, после отсидки, он и вовсе был амнистирован¹²⁸.

Так Великая Отечественная война коренным образом изменила судьбу профессора А. И. Иванова. Он потерял работу в Ростовском Пединституте, навсегда был утрачен уже готовый к защите текст его докторской диссертации, на пять лет лишился свободы и был выключен из нормальной человеческой жизни.

---

¹²⁸ АСПбДА. Д.1335. Личное дело профессора А. И. Иванова. Л. 2.

ГЛАВА IV

ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ РПЦ. ЗАВЕРШАЮЩИЙ ПЕРИОД ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1949-1976)

Годы заключения А. И. Иванова (1946–1949 гг.) – период, над которым висит завеса полной неизвестности. Где он отбывал наказание, каковы были его условия – все это останется для нас неизвестным. Эти и понятно: о таком не принято было вспоминать. Об этом, видимо, знали только самые близкие люди: жена Варвара Дмитриевна и две дочери, которые наверняка также предпочитали ни с кем не делиться подобной информацией.

Даже в своих автобиографиях Алексей Иванович старался не распространяться на эту тему. Так в своем *curriculum vitae*, написанном собственноручно, А. И. Иванов писал: «после войны имел некоторый перерыв в работе, а затем в 1950 г. поступил в Московскую духовную Академию в качестве доцента по кафедре Византологии и греческого языка, где оставался до 1956 г.»¹²⁹. Как мы видим, фраза «перерыв в работе» позволяет на первый взгляд умело обойти упоминание о годах заключения. В другом варианте своей автобиографии он более лаконичен: «с 1943 по 1949 гг. – нигде не работал»¹³⁰. И лишь в её третьем варианте он откровенно указывает: в 1945 г. был судим в г. Ростове, но затем амнистирован и судимость была снята¹³¹.

После заключения Алексей Иванович, имея также и духовное образование, связал свою судьбу с Русской Православной Церковью, но не в качестве священнослужителя, а в качестве преподавателя теологических дисциплин. Этому отчасти способствовала и сама политическая обстановка, сложившаяся в СССР после Великой Отечественной войны, когда не только

---

¹²⁹ АСПБДА. Д.1335. Личное дело профессора А. И. Иванова. Л.9.

¹³⁰ Там же. Л.2.

¹³¹ Там же.

Русская Православная Церковь, но и другие конфессии страны добились ослабления со стороны Советской власти и восстановили свой авторитет. Этого не мог не почувствовать А. И. Иванов и его покровители, о которых ниже пойдет речь.

Но и здесь далеко не все детали нам представляются известными. При рассмотрении развития карьеры А. И. Иванова в лоне РПЦ нас не оставляет мысль о том, что он имел сильного покровителя. Таковым на наш взгляд, являлся не кто иной, как сам Патриарх Алексий I. Но не только. С некоторыми другими высшими иерархами РПЦ А. И. Иванов обучался в Петроградской духовной академии, в частности, с будущим инспектором ПДА Л. Парийским.

В 1949 г. А. И. Иванов приступил к работе в качестве библиотекаря Патриаршей библиотеки, г. Загорске Московской области¹³². Понятно, что речь идет о Московской духовной академии. В этой должности он проработал до 1952 г.

Как удалось установить Д. А. Карпуку, А. И. Иванов в феврале 1951 г. обращался в Совет Ленинградской духовной академии с просьбой рассмотреть две его публикации, на основе которых, как он полагал, можно было бы присвоить ему ученую степень магистра богословия. Речь шла о двух его ранних статьях, опубликованных еще в 1915–1916 гг. В качестве комментария Иванов в своем прошении приводил любопытные данные, проливающие свет на его научно-исследовательскую работу в период обучения в столичной академии. Во-первых, Иванов указал на то, что в обеих статьях им был предпринят критический разбор огромного труда профессора фон Зодена по восстановлению первоначального текста Священного Писания Нового Завета. В первой статье рассматривались принципы и методы, положенные в основу реконструкции текста. Во второй статье был дан анализ текста «Послания к Евреям» в сопоставлении его с ранее изданными и принятыми текстами на Православном Востоке, а также на католическом и протестантском Западе. Во-вторых, Иванов особо подчеркнул, что в рукописном оригинале статьи были более обширными, поскольку включали в себя многочисленные выдержки из греческих и латинских авторов, а также сравнительные текстуальные таблицы. Редакции же указанных журналов при публикации по техническим причинам сделали значительные сокращения,

---

¹³² АСПБДА. Д.1335. Личное дело профессора А. И. Иванова. Л.4.

поэтому в опубликованном виде статьи представляют собой только обобщения и выводы продолжительных и скрупулезных исследований. Однако и в таком виде, на чем настаивал А. И. Иванов, статьи были приняты благожелательно со стороны в том числе таких специалистов, как Н. Н. Глубоковский и Ф. А. Курганов, поскольку затрагивали чрезвычайно важный и слабо разработанный в богословской науке вопрос. Упомянутая просьба ректором тогда еще Московской духовной академии митрополитом Григорием была переадресована в Совет Ленинградской духовной академии. Вопрос был рассмотрен на заседании Совета 9 марта 1951 г. Инспектор академии профессор Л. Н. Парийский любезно согласился взять на себя труд по поиску в библиотеках Ленинграда указанных в прошении статей, поскольку у самого соискателя их не было в наличии. Вообще-то сложившаяся ситуация со стороны не может не показаться странной: соискатель ученой степени магистра богословия просил присудить ему степень за две статьи более чем тридцатилетней давности, которых, к тому же, у него на руках не было. Л. Н. Парийский свое обещание выполнил, и вопрос о присуждении ученой степени повторно был рассмотрен на заседании Совета уже 16 апреля. Однако здесь А. И. Иванов встретился с неожиданным сопротивлением со стороны членов Совета. Доцент А. И. Макаровский заявил, что статьи-рецензии, хотя и свидетельствуют о большом труде Иванова, проштудировавшего более двух тысяч страниц исследования Евангельского текста профессора фон Зодена, следует признать недостаточными для соискания степени магистра богословия. Профессор протоиерей Александр Осипов также выступил против, заявив, что «сочинения проф. фон Зодена по исследованию Евангельского текста, хотя и называются “новейшими”, коими они и были 38 лет назад, теперь являются устаревшими, и отзыв на них не может быть принят на рассмотрение для соискания за него степени магистра богословия». Против присуждения ученой степени Иванову за указанные статьи выступил также профессор Ленинградской академии Н. Д. Успенский. В итоге общее решение Совета некогда родной Иванову академии было отрицательным. Но это было лишь досадным недоразумением, которое лишь на время затормозило защиту им магистерской диссертации, но не могло её полностью отменить.

В 1956 г. ему все-таки удалось защитить в Московской Духовной Академии магистерскую диссертацию на тему: «Критические издания Греческого Нового Завета и общепринятый Православной церковью текст», после

чего он был утвержден Святейшим Патриархом в ученой степени магистра богословия и звании профессора. В том же году он был переведен в Ленинградскую духовную Академию в качестве профессора Византологии и Общей церковной истории¹³³. Во время пребывания в Московской Духовной Академии он некоторое время по совместительству исполнял обязанности Секретаря Учебного Комитета и члена редколлегии «Журнала Московской Патриархии». В Ленинградской духовной Академии помимо учебной работы в качестве профессора исполнял обязанности Секретаря Совета Академии.

Первая научная работа Алексея Ивановича, составленная на основе архивных материалов, напечатана была в 1910 г. во «Владимирских епархиальных ведомостях». С того времени он не прерывал научной деятельности и за истекшие 50 лет (к 1960 г.) выпустил свыше 70 печатных трудов по богословским и церковно-историческим вопросам, а также по гражданской истории и археологии в виде небольших монографий или статей, помещенных в разнообразных изданиях¹³⁴.

24 июня 1956 г. Учебный комитет предложил Совету Ленинградской Духовной Академии назначить профессора А. И. Иванова на свободную кафедру Византологии с предоставлением ему лекций по истории Древней Церкви и помещения в Академии, на что имелась резолюция Святейшего Патриарха Алексия, положенная на прошение профессора А. И. Иванова 30 июня 1956 г.¹³⁵ Думается, что было учтено и личное прошение самого Алексея Ивановича, для которого Петербургская Духовная Академия была более родной и близкой.

Одновременно с назначением на кафедру Византологии профессор А. И. Иванов был избран ученым секретарем Академии и семинарии 8 сентября 1956 г.¹³⁶

Сохранились сведения о педагогической нагрузке и преподавательской деятельности Алексея Ивановича в стенах Духовной академии. Профессорская ставка А. И. Иванова по данным на 1957 г. составляла 12 недельных часов плюс 2 часа в неделю он вел латинский язык в 4 классе семинарии на 1957 г.¹³⁷

---

¹³³ АСПБДА. Д.1335. Личное дело профессора А. И. Иванова. Л. 9.

¹³⁴ Там же. Л. 10.

¹³⁵ Там же. Л. 13.

¹³⁶ Там же. Л. 14.

¹³⁷ Там же. Л. 24–26.

Согласно выписке из годового отчета профессора А. И. Иванова за 1958/1959 уч. год. он вел:

– лекции по Византологии и Истории славянских церквей на 3 и 4 курсах Академии.

– на 3 курсе Академии при 40-х недельных часах курс История Византийской церкви со времени первых христианских императоров до падения Византии;

– на 4 курсе при 2-х недельных часах освещены курс по истории греко-восточной церкви после завоевания православного Востока турками и истории болгарской церкви от её начала до завоевания Болгарии турками. Прочитанные им курсы были отпечатаны на машинке и выданы на руки студентам (всего около 600 страниц)¹³⁸.

Солидная педагогическая нагрузка сопровождалась и значительной общественной и воспитательной работой. Так сохранился рапорт, поданный Алексеем Ивановичем на имя Инспектора Ленинградской Духовной Академии Л. Н. Парийского. В нем А. И. Иванов сообщает:

«В плане воспитательных мероприятий 27 января сего года мной была прочитана студентам Академии лекция на тему: «Преподобный Сергий Радонежский и его обитель». Тема поставлена была в связи с пожертвованием Московской Духовной Академией нашему Академическому Храму в знак молитвенного общения образа преподобного Сергия. На лекции присутствовали студенты Академии очного и заочного отделения и воспитанники семинарии.

2.02.1957 г. профессор А. И. Иванов¹³⁹

Учитывая высокий научный авторитет Алексея Ивановича, а также его огромный опыт руководящей и преподавательской работы, Святейший Патриарх Алексей возлагал на него отдельные ответственные разовые поручения. Так, сохранилось данное ему Святейшим Патриархом предписание, согласно которому «предъявитель сего профессор А. И. Иванов командировается в г. Одессу для ознакомления с постановкой учебного дела в Одесской духовной семинарии»¹⁴⁰.

---

¹³⁸ АСПбДА. Д.1335. Личное дело профессора А. И. Иванова. Л. 75.

¹³⁹ Там же. Л. 23.

¹⁴⁰ Там же. Л. 58.

Как раз накануне защиты докторской диссертации на имя А. И. Иванова пришла телеграмма, подписанная заведующим Редакционным отделом Московской патриархии Епископом Никодимом следующего содержания:

«Резолюцией Его Святейшества от 6 октября 1960 г. Вы назначены от Ленинградской Духовной Академии членом Редакционной коллегии ежегодника «Богословские труды». Зав. редакционным отделом Московской Патриархии Епископ Никодим»¹⁴¹. Подобное назначение как нельзя лучше свидетельствовало о признании высшими иерархами РПЦ высокого научного авторитета Алексея Ивановича Иванова.

С 15 по 20 октября 1958 г. в Мюнхене должен был состояться XI Международный конгресс византологов, однако Алексей Иванович приглашение на этот конгресс не получил. Посчитав это несправедливым, руководство Ленинградской Духовной Академии посчитало нужным исправить дело. С этой целью на имя Председателя Отдела Внешних церковных сношений Московской патриархии Его Высокопреосвященства Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая было отправлено подписанное и.о. ректора Академии инспектором Л. Парийским послание следующего содержания:

«Ленинградская Духовная Академия получила циркулярное приглашение Приготовительного комитета XI Международного Конгресса Византологов выделить делегацию для принятия участия в имеющим быть в Мюнхене с 15 по 20 сентября сего года съезде византологов. Приглашения от Подготовительного комитета получили персонально профессор Н. Д. Успенский и доцент протоиерей В. Боровой.... Со своей стороны, нахожу целесообразным указать на профессора А. И. Иванова как на естественного кандидата для участия в предстоящем конгрессе от Академии. После чего последовало перечисление всех заслуг профессор А. И. Иванова¹⁴²

К сожалению, для нас осталось неизвестным, удалось ли руководству Ленинградской Духовной Академии добиться включения профессора А. И. Иванова в состав международной делегации.

Несмотря на довольно большую педагогическую и общественную нагрузку, А. И. Иванов был полон творческих планов. Он поставил перед собой цель: написание докторской диссертации. Учитывая огромный потенциал ученого, цель казалась вполне достижимой.

---

¹⁴¹ АСПБДА. Д.1335. Личное дело профессора А. И. Иванова. Л. 86.

¹⁴² Там же. Л.36–37.

В сентябре 1956 г. А. И. Иванова обращается в Совет Ленинградской Духовной Академии со следующим прошением:

«Прошу утвердить для моей докторской диссертации следующую тему: ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЦЕРКВИ. Предлагаемая работа будет содержать полный исторический обзор внешнего и внутреннего состояния Византийской церкви за время существования Византийской империи и предназначается в качестве учебного пособия для студентов наших академий. В существующей церковно-исторической литературе нет полного очерка истории Византийской церкви. Имеющиеся статьи и исследования по отдельным вопросам и разделам этой истории страдают существенными недостатками. В частности, все они рассматривают церковную историю Византии в отрыве от гражданской истории. Между тем, многие явления церковной истории нельзя понять без предварительного ознакомления с особой политической обстановкой и государственным строем того времени. Равным образом недостаточно увязана в старых работах церковная история Византии с историей Западной Церкви и Славянских церквей, благодаря чему остается не выявленной в надлежащей степени с одной стороны отрицательная, почти всегда агрессивная политика католического Рима в отношении греческого Востока, с другой – благотворная роль в судьбах православного Востока славянства....Предлагаемая работа будет составлена с учетом новейших достижений и требований византологической науки»¹⁴³. Предложенная тема была утверждена Советом Ленинградской Духовной Академии 24 сентября 1956 г.¹⁴⁴.

За четыре года напряженной работы текст докторской диссертации был подготовлен и подан в Совет. Об этом свидетельствует Выписка из заседания Совета Ленинградской Духовной Академии и семинарии от 10 марта 1960 г., в которой предлагалось «принять представленную профессором А. И. Ивановым работу на соискание ученой степени доктора Церковной истории к рассмотрению и назначить рецензентами профессоров Л. Н. Парийского и доцента священника В. И. Стойкова»¹⁴⁵.

---

¹⁴³ АСПБДА. Д.1335. Личное дело профессора А. И. Иванова. Л. 17.

¹⁴⁴ Там же. Л. 20.

¹⁴⁵ Там же. Л. 82.

Все перипетии защиты А. И. Ивановым докторской диссертации были детально освещены Д. А. Карпуком, что избавляет нас от их повторного изложения¹⁴⁶. Отметим лишь некоторые порой откровенно тенденциозные замечания и неожиданную недоброжелательность, которую, в отличие от официальных оппонентов, продемонстрировали некоторые члены совета Академии. Но более всего нельзя не удивляться тем замечаниям, которые были сделаны специалистом по церковно-певческому искусству (!) профессором Н. Д. Успенским (1900–1987). Видимо, не давали покоя лавры его более именитого однофамильца – выдающегося византиниста Федора Ивановича Успенского (1845–1928).

Но тем не менее, весь Совет Академии единогласно проголосовал за присуждение А. И. Иванову ученой степени доктора Церковной истории. Вследствие этого Председателю Учебного Комитета при Священном Синоде профессору протоиерею Ружицкому К. И. за подписью ректора Академии М. Сперанского было направлено следующее прошение:

«...В заседании своем от 27 октября 1960 г. Совет Академии рассмотрел диссертацию и на основании заслушанных отзывов официальных рецензентов и выступлений членов Совета в результате обсуждения единогласно постановил присвоить профессору А. И. Иванову ученую степень доктора Церковной истории. В виду предполагаемых в ближайшее время длительных поездок Святейшего Патриарха и Вашей усердно просим Вас не задерживать ходатайства перед Святейшим Патриархом об утверждении профессора А. И. Иванова в степени доктора Церковной Истории и оформить это утверждение до Ваших путешествий.

Ректор М. Сперанский. Инспектор Л. Парийский»¹⁴⁷.

Утверждение не заставило себя долго ждать: 11 ноября 1960 г. профессор Ленинградской Духовной Академии А. И. Иванов был утвержден в степени доктора Церковной истории – сообщение Учебного Комитета при Священном Синоде согласно резолюции Его святейшества Святейшего Патриарха Московского и Вся Руси Алексия от 11 ноября 1960 г.¹⁴⁸.

Поздравляя соискателя с официальным утверждением в ученой степени доктора Церковной истории, ректор Ленинградской Духовной Академии М. Сперанский 18 ноября 1960 г. писал:

---

¹⁴⁶ Карпук Д. А. Указ. соч. С. 236–239.

¹⁴⁷ Там же. Л. 85.

¹⁴⁸ Там же. Л. 87.

«Многоуважаемый Алексей Иванович!

Позвольте мне от имени Совета Ленинградской Духовной Академии и семинарии сердечно поздравить Вас с присвоением высокой научной степени Доктора Церковной Истории за труд по Истории Византийской Церкви.

На предыдущих заседаниях мы имели случай отметить выдающиеся достоинства Вашего труда, теперь, заслушав телеграмму Учебного Комитета и резолюцию Его Святейшества Патриарха Алексия, мы очень рады, что Ваша диссертация нашла достойное признание и его Святейшества, и Учебного Комитета, и Вы уже аттестованы званием Доктора Церковной Истории.

Несомненно, что Ваш научный труд будет благосклонно принят церковной общественностью. Позвольте надеяться, что этот Ваш новый научный труд будет не последним в перечне созданных Вами научных трудов, а при добром здоровье и благополучии, чего мы Вам искренне от души желаем, Вы продолжите научную деятельность и в дальнейшем создадите произведения достойные Вашего высокого научного звания, полезные и нужные для нашей Православной Отечественной науки во славу Русской Православной Церкви. На процветание богословской науки и во славу родной Вам Ленинградской Духовной Академии

Ректор, протоиерей М. Сперанский»¹⁴⁹.

Что же представлял из себя труд А. И. Иванова? Едва ли на страницах данной работы возможно изложить содержание и основные идеи данного капитального труда. В наших условиях представляется оптимальным следующее решение проблемы: тезисно изложить содержание работы и высветить основные идеи автора.

В предисловии автором дается обзор истории научного византиноведения, в которое автор включает разделы о византиноведении в России до к. XVIII в. византиноведение на Западе до начала XIX в., развитие византиноведения в России с конца XVIII в. Отдельно автор выделяет церковное византиноведение на Западе и в России¹⁵⁰.

---

¹⁴⁹ АСПБДА. Д.1335. Личное дело профессора А. И. Иванова. Л. 91.

¹⁵⁰ Иванов А. И. История Византийской церкви. Докторская диссертация. Т.1. Ленинград, 1960. С. 1–36 (рукопись).

В первой части работы дан краткий обзор состояния Восточной церкви при первых христианских императорах¹⁵¹. Начинает его автор с образования Византии, после чего он переходит к рассмотрению отношения между церковью и государством в IV–V вв. Затем им дается обзор богословских споров на Востоке в IV–V вв. и первых Вселенских соборов: Арианского спора, Несторианского и Монофизитского споров, а также Первого, Второго, Третьего и Четвертого Вселенских соборов 325 г. Завершается раздел возвышением Константинопольского патриарха и развитием папства и притязаниями Римской кафедры на главенство в церкви Вселенской.

Вторая часть диссертации посвящена Византии в эпоху Юстиниана (527–565)¹⁵². Здесь автор рассматривает внутреннюю и внешнюю политику Юстиниана, в том числе и его религиозную политику, церковно-законодательную деятельность, отношение Юстиниана к монофизитству. Отдельно им рассматриваются византийская культура IV–VI вв., а именно, искусство: памятники архитектуры и мозаики, наука и литература (богословие, история, космография, поэтические творения, сборники).

Третья часть диссертации посвящена состоянию Византийской церкви в период кризиса империи (к. VI–VII вв.). Здесь исследуется внутреннее и внешнее состояние Византии в к. VI в. до нач. VIII в., роль славянства в обновлении «дряхлеющего организма империи», общее состояние церковной жизни Византии в VII в., решения Трулльского собора 692 г. Также автором рассматривается вопрос о монофизитах и монофизитский спор, о решениях V-го Вселенского собора, а также вопрос о расширении преимуществ Константинопольского патриарха и его взаимоотношениях с Римом¹⁵³.

Четвертая часть диссертации посвящена такому сложному явлению, как иконоборчество. Здесь рассматриваются: причины иконоборческого движения, его первый период, деятельность императора Льва III Исавра (717–741), иконоборческое движение при Константине Копрониме (741–775), решения Иконоборческого собора 754 г., преследование монашества и разгром монастырей. После этого автор переходит к рассмотрению царствования Льва IV Хазара (775–780), освещает решения Седьмого Вселенского

---

¹⁵¹ Иванов А. И. История Византийской церкви. Докторская диссертация. Т.1. Ленинград, 1960. С. 47–104.

¹⁵² Там же. С. 105–171.

¹⁵³ Там же. С.172–213.

собора, рассматривает второй период иконоборчества, время правления Никифора, Михаила I и Льва V (802–820), правление последних императоров–иконоборцев – Михаила II и Феофила (820–842), а также церковные отношения между Востоком и Западом в эпоху иконоборчества¹⁵⁴.

Пятая глава диссертации посвящена такому сложному социальному движению, как павликианство¹⁵⁵ (288–299). Автор начинает повествование с внешней истории движения, анализирует учение павликиан.

И, наконец, в VI-й главе не обойденной вниманием автора остается и духовная культура Византии, а также и выдающиеся церковные деятели VII–IX начала вв. Здесь диссертант рассматривает образование, духовную литературу и искусство VII в., а также личности представителей богословской науки и историков VIII в.

Первое знакомство русских с Византией, по словам автора, восходит к временам принятия Русью христианства и в дальнейшем неослабно поддерживалось вплоть до эпохи петровских преобразований... Главные источники изучения темы – хронографы. В качестве других источников называются устные рассказы, которые передавались как через русских паломников, так и через греков, приходивших на Русь¹⁵⁶. Византия в глазах наших предков пользовалась великим авторитетом, во многом достойным подражания. Из Византии Русь приняла святую веру, оттуда долго присылались к нам пастыри и клирики, что укрепляло тесные связи¹⁵⁷. Внимание к Византии и подражательное отношение к ней сильно ослабло на Руси со времен Петра I, когда началось сближение с Западной Европой. Вся работа по византиноведению на Западе за XV–XVII вв. сводилась к собиранию и изданию исторических материалов¹⁵⁸. На этой почве прославились ученые Франции: Филипп Лабб (1606–1667), Жак Гоар (1601–1653) и Карл Фабро (1580–1659). Но в XVIII в. византиноведение на Западе переживало упадок.¹⁵⁹ Русское византиноведение зародилось с конца XVIII в. по инициативе и под руководством Академии Наук. Среди его зачинателей автор называет

---

¹⁵⁴ Иванов А. И. История Византийской церкви. Докторская диссертация. Т.1. Ленинград, 1960. С. 214–287.

¹⁵⁵ Там же. С. 288–299.

¹⁵⁶ Иванов А. И. История Византийской церкви. Т.1. От Константина Великого до отпадения Западной Церкви от Вселенской. Ч.1. Докторская диссертация. Л., 1960. С. 2.

¹⁵⁷ Там же. С. 3.

¹⁵⁸ Там же. С. 5.

¹⁵⁹ Там же. С. 10.

А. Л. Шлёцера (1735–1809), И. Г. Шриттера (1740–1801), А. А. Куника (1814–1899). С 1858 г. Петербургская Духовная Академия приступила к печатанию переведенных на русский язык византийских историков¹⁶⁰.

«Переходя к выяснению задач, которые стоят перед нашей работой, как первым опытом связного систематического изложения истории Византийской церкви, мы должны отметить, что они определяются с одной стороны, общими методическими требованиями исторической науки, а с другой – специфическими особенностями нашего предмета», – отмечает автор¹⁶¹.

Не менее важны для нас те методологические принципы, те теоретические установки, которыми руководствовался автор при написании своего капитального труда. «Одно из главнейших требований истории как науки, сводится к тому, что ни одна сторона жизни и деятельности человеческого общества не может рассматриваться вне связи с другими сторонами. Отсюда следует, что церковную историю нельзя изучать в отрыве от гражданской. Это требование имеет особую важность в приложении средневековой Византии, где церковные начала теснейшим образом переплетались с началами гражданской жизни. Поэтому при обзоре отдельных предметов Византийской церковной истории мы не сможем понять надлежащим образом многих явлений церковной жизни без учета современной им общественно-экономической и политической обстановки... мы не сможем объяснить церковную политику Юстиниана I, если не будем знать его грандиозных замыслов построения всемирной монархии, которая должна быть спаяна единой властью императора, едиными законами и единой верой...»¹⁶².

Второе методологическое требование, выдвигаемое исторической наукой, заключалось в том, что средневековая история Византийской церкви не должна рассматриваться оторвано от других христианских церквей, имевших тесное соприкосновение с Византией. В данном случае имеется в виду Западная Римская церковь и церковь славянских народов. Все эти церкви находились в отдельные периоды своей жизни в самых тесных отношениях с Византийской церковью. Поэтому при изложении предмета автор предлагает уделять специальное внимание вопросу взаимоотношений между

---

¹⁶⁰ Иванов А. И. История Византийской церкви. Т.1. От Константина Великого до отпадения Западной Церкви от Вселенской. Ч.1. Докторская диссертация. Л., 1960 С. 28.

¹⁶¹ Там же. С. 40.

¹⁶² Там же. С. 41.

Византией¹⁶³ и соседними христианскими церквями, выявив по возможности положительные и отрицательные моменты в этих взаимоотношениях.

Третье требование истории как науки гласит, что история должна заниматься изучением жизни народов, а не отдельных только личностей. Это значит, что при изложении истории Византийской церкви автор предлагает не ограничиваться сообщением сведений о жизни и деятельности правящих иерархов или отдельных церковных деятелей, а по возможности дать целостную и живую картину церковной жизни всего византийского общества. Поэтому в данной работе должны найти отражение такие вопросы, как религиозно-нравственная жизнь византийского общества в разные периоды средневековья, происхождение и развитие различных сект и расколов, состояние культуры и духовного просвещения.

Далее, учитывая специфику дисциплины, как считает автор, необходимо подчеркнуть и ещё некоторые моменты. Так, прежде всего, нужно обратить особое внимание на крайне отрицательную, неизменно агрессивную политику папства в отношении Православного Востока, особенно после разделения церквей¹⁶⁴. В завоеванных христианских областях насильственно насаждалась латинская религия. И в качестве примера А. И. Иванов описывает зверства крестоносцев при взятии Константинополя.

Второй момент, на котором считает необходимым остановиться автор, – это выявление той благотворной роли, которую сыграло в судьбе Византии и Греческой церкви славянство и особенно Православная Русь. «Продвигающиеся на территории Византии со времен Юстиниана непрерывные волны славянских колонистов вносили оживленную струю в дряхлеющий организм империи, ускоряя прогрессивный переворот в аграрных отношениях и обеспечивая удовлетворение главных потребностей византийского государства: поступление налогов и комплектование из свободных колонистов территориальной армии»¹⁶⁵. После христианизации соседних славянских государств, Византия получала от них нередко военную помощь, вступала с ними в политические соглашения, и поддерживала самые оживленные торговые и культурные связи.

---

¹⁶³ Иванов А. И. История Византийской церкви. Т.1. От Константина Великого до отпадения Западной Церкви от Вселенской. Ч.1. Докторская диссертация. Л., 1960. С. 42.

¹⁶⁴ Там же. С. 43.

¹⁶⁵ Там же. С. 45.

После падения Византии, отмечает автор, Русь, как единственное свободное и сильное православное государство, стало единственной опорой и защитой восточного Православия. К ней непрерывно устремляли свои взоры восточные христиане в надежде получить помощь. И Русская Православная Церковь и русский народ делали все возможное для улучшения положения своих братьев по вере¹⁶⁶.

Каковы же были причины живучести Восточной Римской империи? Они, по мнению А. И. Иванова заключались в том, что входившие в её состав восточные страны, бывшие эллинистические государства, отличались более мощными экономическими ресурсами, чем Запад. Здесь сохранились крупные города – Эфес, Антиохия и др.¹⁶⁷. И же здесь существовала сильная императорская власть.

Далее автор переходит к рассмотрению взаимоотношений церкви и государства. После Миланского эдикта 313 г. они стали союзническими. В этот период происходит развитие богословской мысли в I–V вв. Создают свои произведения Василий Великий, Григорий Богослов, Ефрем Сирийский, Иоанн Златоуст¹⁶⁸.

Однако имели место случаи вмешательства императорской власти в церковную жизнь. В качестве примера служит осуждение Констанция. Но нередко и сами представители православия внушали императору идею его главенства в церкви. Наименование *pontifex maximus* удерживалось за византийским императором на протяжении всего рассматриваемого периода. Интересы церкви оказались в подчинении интересам деспотического государственной власти¹⁶⁹.

Не обойдена вниманием автора и борьба с еретиками. Эта борьба церкви с лжеучениями потребовала особенно усиленной работы богословской мысли. Перед церковью стояла задача не только опровергнуть еретические учения, но и дать точное определение тем истинам христианской веры, которые подвергались искажениям. Все это достигалось не усилиями отдельных лиц, а коллективной деятельностью христианской церкви, выражением которой стали вселенские соборы.

---

¹⁶⁶ Иванов А. И. История Византийской церкви. Т.1. От Константина Великого до отпадения Западной Церкви от Вселенской. Ч.1. Докторская диссертация. Л., 1960. С. 46.

¹⁶⁷ Там же. С. 48.

¹⁶⁸ Там же. С. 52.

¹⁶⁹ Там же. С. 59.

Первой ересью, по словам автора, стало арианство (получило название от имени пресвитера из Александрии Ария) в 20-е г. IV в. Арианство стало религией враждебно настроенных к империи германских племен.

Правление язычника Юлиана (361–363) и арианствующего Валента (364–378) довело Восточную империю до катастрофического состояния¹⁷⁰. Монофизитство стало лозунгом борьбы за национальную независимость окраинных народов империи и в этом была его живучесть. Римское, в затем и византийское язычество ничего не принесло окраинам, кроме гнета¹⁷¹.

Довольно подробно автором излагается эпоха императора Юстиниана. Наметившаяся при Юстине объединительная политика получила полный размах и осуществление при его преемнике Юстиниане (527–565), царствование которого составляет самую яркую эпоху в истории Восточной империи. Оно связано с грандиозной попыткой восстановить мировую римскую державу в новом блеске и величии¹⁷².

Особенно велико значение царствования Юстиниана для церкви. Покровительственное отношение к православному духовенству и монашеству, заботы о церковном благоустройстве и о высокой нравственности клира и мирян, личная религиозность и аскетизм, широкая миссионерская деятельность среди соседних народов и особенно грандиозное строительство храмов и монастырей, – все эти заслуги перед церковью были причиной того, что Юстиниан, равно, как и его супруга Феодора, были в XII в. канонизированы и включены в православный календарь 14 ноября (день смерти Юстиниана)¹⁷³.

Один из разделов диссертации посвящен Византийской культуре. Она сложилась не сразу. Время IV–VI вв. представляет, по мнению автора, переходный период от языческой античности к христианскому средневековью. В эти столетия христианство одерживает окончательную победу над умирающим язычеством и под его могучим воздействием изменяется содержание греко-восточной литературы и искусства. На смену античной светской философии приходит православное богословие. Поэзия, музыка, изобразительное искусство, становятся на службу церкви. В течение IV–VI вв.

---

¹⁷⁰ Иванов А. И. История Византийской церкви. Т.1. От Константина Великого до отпадения Западной Церкви от Вселенской. Ч.1. Докторская диссертация. Л., 1960. С. 68.

¹⁷¹ Там же. С. 92.

¹⁷² Там же. С. 106.

¹⁷³ Там же. С. 150.

был выработан тип церковных зданий, существенно отличающийся по плану и всей конструкции от типа древнейших базилик. В качестве величайшего памятника византийской архитектуры автор называет Софийский Собор в Константинополе и дает его подробное описание¹⁷⁴.

Начиная с IV в. доминирующее положение занимает церковная литература. Время V–VI вв. характеризуется высоким подъемом церковного научно-литературного творчества. Целая плеяда великих церковных писателей, святых отцов и учителей церкви подняли церковную литературу на недостижимую высоту¹⁷⁵. Церковь и монахи служили в свою очередь рассадниками религиозно-нравственного обучения при помощи школ и библиотек, которые там устраивались. Литературные произведения рассматриваемого периода отличались богатством и разнообразием тем, глубиной исследования, творческой продуктивностью и блестящим, почти классическим языком. В области богословия восточные писатели стремились в первую очередь доказать и защитить истинность догматов Православной церкви против извращений разных еретиков¹⁷⁶.

После богословской литературы главное место в византийской прозе, по мнению автора, несомненно занимали историки. Писателей, трудившихся в области историографии, А. И. Иванов разделяет на две группы: историков и хронографов. Историки рассматриваемой эпохи стремились следовать старым античным образцам в отношении языка, слога и способа передачи исторических фактов. В качестве таковых называются Прокопий Кесарийский (VI в.), Агафий (536–582), труд которого автор называет «правдивым и добросовестным»¹⁷⁷.

Однако после смерти Юстиниана произошло истощение ресурсов империи. А в это время усиливается натиск внешних врагов, приведший к потере ряда территорий. В 568 г. происходит вторжение в Италию лангобардов, в 601 г. – вторжение аваров, возникает опасность со стороны арабов¹⁷⁸. Автор снова обращается к роли славянской колонизации, которое он рассматривает как «приток свежих сил». Они начинают проникать на Балканы

---

¹⁷⁴ Иванов А. И. История Византийской церкви. Т.1. От Константина Великого до отпадения Западной Церкви от Вселенской. Ч.1. Докторская диссертация. Л., 1960. С. 152–153.

¹⁷⁵ Там же. С. 158.

¹⁷⁶ Там же. С. 159.

¹⁷⁷ Там же. С. 161.

¹⁷⁸ Там же. С. 176.

в VI в. В противоположность варварским вторжениям на Западе славяне не уничтожили империю. В Византии происходит формирование многочисленного класса свободных крестьян, широкое распространение общины и общинного землевладения. Внедрение славян имело огромное значение для дальнейших судеб империи. Для Византии оно имело два положительных последствия: поступление налогов и комплектование территориальной армии. Из них впоследствии было создано новое военно-служилое сословие. Это все в дальнейшем помогло выйти из кризиса в VII в. и приобрести силы для дальнейшего существования¹⁷⁹.

Важное место в своей диссертации А. И. Иванов отводит такому сложному движению, как иконоборчество. «Сердечное умиление перед останками святых мучеников и подвижников вполне естественно. Но у византийцев доброе и справедливое чувство к почитаемым мощам соединилось с суеверием. Мощи почитались как чудотворный талисман, и при этом нередко почитаемые мощи не подвергались проверке с точки зрения их подлинности. То же самое можно сказать и о почитании т.н. священных реликвий, т.е. предметов, которыми пользовались святые при жизни – переход к почитанию святых икон»¹⁸⁰ – писал автор. Византийцы стали видеть в них прямой источник особой благодати Божией. В VII в. число мощей, священных реликвий и чудотворных икон в Византийской империи крайне увеличилось – постановление Трулльского собора 692 г.¹⁸¹.

Не обойденным вниманием автора оказывается такое сложное социальное движение, как павликианство. По мнению А. И. Иванова, религиозное течение, известное под названием павликианство, было не менее опасным и грозным для православия, чем монофизитство или иконоборчество. Оно выросло на почве обострившихся внутренних противоречий в империи и направлено было против государства и против официальной церкви. Павликианская секта вербовала своих сторонников главным образом, среди крестьянства и городских плебеев. Свое название она получила от послания апостола Павла, которое рассматривалось участниками секты в качестве руководства. Зарождение павликианской ереси относится, по предположению

---

¹⁷⁹ Иванов А. И. История Византийской церкви. Т.1. От Константина Великого до отпадения Западной Церкви от Вселенской. Ч.1. Докторская диссертация. Л., 1960. С.183.

¹⁸⁰ Там же. С.1 86.

¹⁸¹ Там же. С. 188.

автора, к середине VI в. Павликиане мечтали о восстановлении христианства в первоначальной апостольской простоте¹⁸². В начале IX в. они даже пользовались прямым покровительством при императоре Никифоре I (802–811). Особый размах движение приобрело при главе секты некоем Сергии. Составить определенное представление об их учении весьма нелегко: их документов не осталось, а греческие церковные писатели, их противники, были весьма пристрастны. Павликиане жили в полном равенстве общинами, открыто выступая против существующего государственного и церковного строя. Особо выделяет автор личность некоего Георгия Монаха¹⁸³.

Таковы общие положения докторской диссертации А. И. Иванова.

Успешно защитив диссертацию на соискание степени доктора Церковной истории, Алексей Иванович в сентябре 1960 г. неожиданно подает заявление об уходе из Духовной Академии и выходе на пенсию. Перед нами документ – сообщение ректора М. Сперанского об уходе из Академии профессора А. И. Иванова, в котором говорится, что профессор А. И. Иванов подал о. Ректору заявление, в котором просит освободить его от обязанностей профессора и секретаря Совета Академии и семинарии по состоянию здоровья (профессор А. И. Иванов в течение двух месяцев с 12 июня по 12 августа сего года болел тяжелым воспалением почек и находился на лечении в больнице).

На удивление быстрой была реакция и руководства Академии: было решено считать профессора А. И. Иванова выбывшим из Академии по состоянию здоровья и возбудить ходатайство пред Учебным комитетом о назначении профессору А. И. Иванову пособия на лечение¹⁸⁴. Быстрота его решения позволяет нам предположить, что этот вопрос обговаривался заранее.

Какие же произошли за этот период события, которые подтолкнули Алексея Ивановича к уходу из того учебного заведения, где он всегда находил поддержку и понимание? Сохранившиеся документы не позволяют нам до конца высветить этот вопрос, однако общая канва развития событий представляется нам в следующем виде.

---

¹⁸² Иванов А. И. История Византийской церкви. Т.1. От Константина Великого до отпадения Западной Церкви от Вселенской. Ч.1. Докторская диссертация. Л., 1960. С. 288.

¹⁸³ Там же. С. 295.

¹⁸⁴ АСПбДА. Д.1335. Личное дело профессора А. И. Иванова. Л. 97.

В этот период в общественно-политической ситуации в стране произошли резкие перемены, особенно они касались политики Советского государства в отношении к религии и церкви. Если в тяжелый период Великой Отечественной войны все советское общество, в том числе и церковь, демонстрировали удивительное единение, и находившаяся у власти партийная верхушка не могла не учитывать тот вклад, который внесла РПЦ в общее дело победы над фашизмом, то с конца 1950-х – начала 1960-х годов начинается новый период наступления Советского государства на религию и церковь. Религия вновь стала «опиумом народа», а церковь стала помехой на пути строительства коммунизма. Началась борьба за умы и души советских людей.

В том эпизоде, о котором ниже пойдет речь, власти вновь использовали испытанный подленький прием, заключающийся в инициировании «писем трудящихся с мест» с требованием закрытия той или иной церкви, духовного учебного заведения и т.д. Подобное мы уже наблюдали на примере закрытия, а затем и варварского уничтожения памятника армянского зодчества XVIII в. – Нахичеванского кафедрального Собора Григория Просветителя в 1966 г., который власти г. Ростова-на-Дону взорвали, идя навстречу «пожеланиям трудящихся завода «Красный Аксай», которые возжелали именно на этом месте построить дом культуры упомянутого завода.

Аналогичный прием был использован и на этот раз. В газете «Смена», органе Ленинградского Областного и Городского комитетов ВЛКСМ от 31 января 1961 г. был опубликован ответ некой Галине Александровне Баковской из поселка Сукк-озеро, у которой старший сын уже поступил в Ленинградскую Духовную семинарию и туда же вслед за старшим имел намерение поступать и её младший сын. «Не желаю, не согласна я отпускать сыновей неизвестно куда. Да, и не знаю я, чему там их учат в этой Духовной академии? Как они живут? Напишите, пожалуйста мне ответ»¹⁸⁵, – писала в письме в редакцию Н. А. Баковская.

На этот вопрос авторы статьи незамедлительно дали заранее припаянный ответ (а иначе, зачем было вообще инициировать это письмо?!): «Не пускайте! Если Вам дороги сыновья, дорого их будущее, не пускайте!»

А вот после этого однозначного ответа, не оставляющего у вопрошающего ни капли сомнения, шли необходимые пояснения: «...поступающих

---

¹⁸⁵ Владимиров Н., Кузин В. В «святых» тенетах гибнет человек // Смена, 31 января 1961, № 26.

в Духовную академию и семинарию с каждым годом становится все меньше и меньше. Три года назад в семинарию поступило 37 человек, в прошлом году – 18, а в нынешнем – 8 человек и только...Подумайте хорошо над этими цифрами....Учитывая сокращение контингента, пришли к выводу, что надо бороться за каждую душу. Стены Духовной академии и семинарии стали покидать (и это очень знаменательно!) не только воспитанники, но и профессора богословия. После долгих раздумий и поисков, пройдя тернистый путь от религии к науке, нашел дорогу к духовной свободе А. А. Осипов, бывший профессор Ленинградской Духовной академии, её инспектор, редактор последнего русского издания библии, магистр богословия. ... «Святые» отцы готовы не ставить двоек, только бы подольше удержать воспитанников в лоне церкви. А будущие пастыри все уходят и уходят, причем наиболее способные, честные, думающие... Но может быть там, в семинарии и академии, ваших сыновей сделают образованными и культурными людьми? Ничего подобного! Ни программы, ни уровень профессорско-преподавательского состава не позволяют это сделать. О какой науке и культуре может идти речь, если там даже радио и телевизор являются «запретными плодами»?!

Духовной сивухой называл В. И. Ленин религию. Она, как сивуха, отравляет и в конце концов морально губит человека, мешает расцвету его творческих сил, отрывает от главного – созидательного труда во имя счастья на земле, во имя коммунизма. Не пускайте сыновей своих в духовные школы! В «святых» тенетах религии гибнет человек!» – страшат своих читателей авторы статьи

1. Следующий удар было необходимо нанести и по преподавательскому составу Духовной Академии, и вот тут вследствие недавней судимости самым слабым звеном оказался Алексей Иванович. «В Ленинградской Духовной академии преподает профессор А. И. Иванов. В вашей памяти, думаем, ещё свежи воспоминания о грозных годах войны, когда насмерть бились советские люди с фашистской нечестью. В жестокой схватке погибли миллионы наших отцов, матерей, братьев и сестер. И вот в этот тяжелый для Родины час богослов Иванов добровольно пошёл на службу к фашистам. Хлебом и солью от имени т.н. «благодарного духовенства г. Ростова» встретил он фашистского коменданта генерала Кителя. Предатель за-

ведовал отделом при бургомистре города, он входил в штаб Войска Донского, состоящего из белогвардейских подонков. Но этого изменнику Родины оказалось мало. Будущий профессор богословия стал упражняться в написании грязных антисоветских статей в гитлеровском листке «Голос Ростова», идейно обосновывая свое предательство, призывая советских людей «смириться» во имя господя Бога. Невозможно без гнева и презрения читать эти мерзкие сочинения. Что же это за «сочинения»? И здесь авторы не нашли ничего лучшего, чем привести фразу А. И. Иванова из упомянутой газеты: «Над головой русских людей снова засиял символ Божественной мощи – Святой Крест. Скоро откроются двери храмов для молитвы, зазвучит колокольный звон, польются торжественные священные гимны, и русский народ вздохнет новой мирной и свободной жизнью. С нами Бог!» («Голос Ростова», 1943 г.).

Сегодняшний читатель, прочитав эту фразу, останется в недоумении: что криминального авторы статьи нашли в этой фразе?! Сегодня любой верующий человек подпишется под каждым сказанным словом. Но здесь, видимо, акцент был сделан на то, кем была сказана эта фраза. Это становится ясно из дальнейшего контекста.

«Вместе с гитлеровцами он (*А. И. Иванов – С. К.*) бежал, спасаясь от наших войск, в Германию. После войны, отбыв наказание, Иванов нашел приют сначала в Московской, а затем и в Ленинградской Духовной Семинарии и Академии. Чему же, Галина Александровна, может этот профессор богословия научить ваших сыновей, сыновей других детей? Предательству!» И тут авторы статьи опускаются до уровня дворовых сплетниц: оказывается, в добавок ко всем своим грехам, Алексей Иванович был склонен к...блуду! «Из Московской академии его изгнали за аморальный поступок – он был избит мужем соблазненной им женщины» – завершают свою «филиппику» Н. Владимиров и В. Кузин. Но тот, кто хорошо знал Алексея Ивановича, может только в ответ на подобное обвинение презрительно улыбнуться: прекрасный семьянин, из старой патриархальной семьи, более полувека проживший с единственной супругой, Варварой Дмитриевной, едва ли был способен на подобный поступок. К тому же возраст его приближался к 70 годам....

Не желая компрометировать своим присутствием Духовную Академию, Алексей Иванович уходит на пенсию. Но уход на пенсию не означал

его ухода из науки. Напротив, он был полон творческих планов и решил продолжать свои исследования.

Перед нами Выписка из заседания Совета Ленинградской Духовной Академии от 7 сентября 1961 г., где речь идет о просьбе А. И. Иванова, направленной в Совет Духовной Академии, разрешить ему после ухода из учебного заведения пользоваться книгами из Академической библиотеки ввиду намерения продолжить работу по написанию Истории Византийской церкви¹⁸⁶. Члены совета дали но это разрешение, но без права выноса книг из Академии, обосновав это тем, что книги «...необходимы также профессорско-преподавательскому составу Академии»¹⁸⁷. И это при том, что Алексей Иванович проживал в помещении при самой Академии. Мелко, не приятно.

Но и после увольнения из Духовной Академии А. И. Иванов не прерывал с ней духовных связей. Руководство Академии часто приглашало профессора на различные религиозные торжества. Так, он получил приглашение от ректора Духовной Академии епископа Тихвинского от 29 сентября 1973 г. на религиозное торжество, посвященное Апостолу и Евангелисту Иоанну Богослову¹⁸⁸.

Руководство Духовной Академии, в свою очередь, стремилось использовать мощный научный-педагогический потенциал профессора в учебном процессе. Его привлекают к выступлениям с отзывами на курсовые и дипломные сочинения студентов Академии. Так, А. И. Иванов уже после ухода на пенсию выступал с отзывами на курсовые сочинения студентов III курса Черкеса Владимира на тему «Значение Соловецкого монастыря в истории русского Севера в период Московской Руси», на сочинение священника А. Докукина «Христианство на Северном Кавказе до и после завоевания его Россией»¹⁸⁹.

Примечательно, что после ухода на пенсию руководство РПЦ и Духовной Академии сохранило за Алексеем Ивановичем две комнатки в помещении при Академии, в которых он проживал ранее. Благородный поступок и дань уважения Алексею Ивановичу за его многополезную деятельность на благо Русской Православной Церкви. Сохранилось прошение А.И.Иванова

---

¹⁸⁶ АСПбДА. Д.1335. Личное дело профессора А. И. Иванова. Л. 103

¹⁸⁷ Там же. Л. 105.

¹⁸⁸ Там же. Л. 113.

¹⁸⁹ Там же. Л. 93, 95.

в адрес руководства Академии от 17 ноября 1973 г., в котором он просит произвести ремонт двух помещений квартиры, «...которые не ремонтировались в течение 20 лет и в ней многое обветшало» (речь шла о туалете и маленькой кухне)¹⁹⁰.

После ухода из Академии Алексею Ивановичу на какое-то время пришлось изменить вектор своих исследований. Мы сознательно не использовали употребляемое по традиции слово «научных», потому что написанное им едва ли можно отнести к науке. Речь идет об обнаруженных нами двух написанных А. И. Ивановым брошюрках, одна из которых была издана в соавторстве. Первая из них носила название «Социализм и свобода совести», с надписью на обложке: «Иванов А. И., канд. исторических наук»¹⁹¹.

В брошюре излагаются основные принципы Советского законодательства о религиозных культах. На большом фактическом материале показывается торжество политики свободы совести. Автор отмечает, что коммунисты рассматривают борьбу с религией не как самоцель, а в свете общих задач классовой борьбы пролетариата.

Что касается содержания брошюры, то в ней раскрываются основные положения Советского законодательства о культах. Отмечается, что исполнение законов – это гражданский долг советского человека. Излагаются требования законодательства о порядке образования и функционирования религиозных объединений, анализируется законодательство о религиозных культах, касающихся детей и подростков.

Автор отмечает, что царская власть не скупилась тратить огромные деньги на одурманивание народа религиозными суевериями, в то же время на народное образование отпускались гроши. Низшая и средняя школа в Царской России были всецело отданы под опеку церковного ведомства и духовенства. Половина учебного времени в так называемых церковно-приходских школах отводилось на механическое заучивание молитв. Занимая монопольное положение в обществе, и пользуясь привилегиями со стороны царской власти, православная церковь преследовала иноверцев, миллионы людей, придерживающихся неправославного вероисповедания, а также атеистов. Недаром В. И. Ленин называл самыми несправедливыми, самыми

---

¹⁹⁰ АСПбДА. Д.1335. Личное дело профессора А. И. Иванова. Л. 114.

¹⁹¹ Иванов А. И. Социализм и свобода совести. М.: «Знание», 1972.

насильственными, самыми позорными законы Российской империи о религии и церкви¹⁹². В дореволюционной России церковь являлась чстью государственного аппарата. Во главе церкви стоял Синод, который был обыкновенным царским ведомством. Для всех граждан религиозность была обязательна¹⁹³. Отправление обрядов внедрялось принудительно. Государство и церковь бесцеремонно вмешивались в личную жизнь граждан, грубо попирали свободу совести. Законами Советского государства воспрещается деление граждан по признаку веры. Все советские люди, верующие и неверующие, являются полноправными гражданами социалистической Родины¹⁹⁴. Далее автор рассматривает основные положения Советского законодательства о культах.

Существо политики Советского государства в отношении религии кратко можно отнести к следующим требованиям. Церковь отделена от государства и религиозные организации не могут вмешиваться ни в какие государственные дела. Автор пишет, что органы государственной власти как в центре, так и на местах также не вмешиваются во внутреннюю каноническую деятельность религиозных организаций. Государство в делах религии не становится на сторону ни одного вероисповедания. Все религиозные общества всевозможных культов в отношении прав и обязанностей равны. Религиозные общества могут заниматься только удовлетворением религиозных потребностей единоверцев¹⁹⁵.

По словам автора, чрезвычайно важно использовать различные каналы для разъяснения всем верующим и неверующим существа советских законов о религии и церкви. Ведь по своей сущности эти законы отражают широкий демократизм нашего строя, гуманный характер нашего законодательства. Это делать необходимо и потому, что на незнании верующими принципов социалистической демократии и законов о культах спекулируют экстремистски настроенные церковники и сектанты. Целенаправленная систематическая работа по пропаганде неукоснительного исполнения советского законодательства о религиозных культах является лучшей гарантией для осуществления на деле подлинной свободы совести. В строительстве

---

¹⁹² Иванов А. И. Социализм и свобода совести. М.: «Знание», 1972. С. 11

¹⁹³ Там же. С. 10.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же. С. 8.

общества, отмечается в работе, принимают активное участие как неверующие, так и верующие. Усилиями Коммунистической партии обеспечено морально-политическое единство всех тружеников советского общества.

Вторая работа А. И. Иванов, написанная в соавторстве с кандидатом исторических наук П. К. Лобазовым, была посвящена политике Советского государства по вопросам религии и церкви.¹⁹⁶ В брошюре рассматривается марксистско-ленинское учение о религии и церкви, содержание Декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и отмечается его историческое значение, рассматривается законодательство о свободе совести и задачи атеистического воспитания населения, основные положения Советского законодательства о религиозных культурах.

Авторы отмечают, что религия – явление историческое. На ранней стадии развития человечество не знало религии. Её не будет и в будущем, хотя идеология эксплуататорских классов тщетно пытается доказать вечность¹⁹⁷. Империализм использует религию и церковь в борьбе против социализма. Освобождение народных масс от религиозных предрассудков не является единовременным актом. Это длительный и сложный процесс. Отмирание религии произойдет после перехода от предыстории человечества к её подлинной истории. Примером тому может служить Советский Союз¹⁹⁸.

Победа социализма в СССР, как отмечается в работе, блестяще подтвердила правоту марксистско-ленинского учения о религии и путях её преодоления. «Большинство населения Советского Союза уже освободилось от религиозных пережитков. Глубокие изменения в сознании трудящихся привели к тому, что социальные корни религии оказались в нашей стране подорванными, а религия и церковь переживают глубокий кризис»¹⁹⁹.

Верил ли Алексей Иванович в то, что писал? Но тем не менее...

Атеистическая пропаганда, по словам авторов, в современных условиях должна включать в себя более широкое разъяснение трудящимся места и роли религии в истории народов²⁰⁰. В СССР нет и никогда не было гонений

---

¹⁹⁶ Иванов А. И., Лобазов П. К. Политика Советского государства по вопросам религии и церкви. М.: «Знание». 1973.

¹⁹⁷ Там же. С. 4.

¹⁹⁸ Там же. С. 10.

¹⁹⁹ Там же. С. 24.

²⁰⁰ Там же. С. 27.

на верующих граждан. Именно поэтому клеветнические измышления о гонениях, распространяемые вожаками т.н. «совета церковей ехб», не находят поддержки среди рядовых верующих²⁰¹. Стал массовым явлением отказ от церковной службы и снятие сана священниками. Так, из РПЦ ушли известные священнослужители А. Чертков, Е. Дулуман, Н. Спасский, бывший профессор богословия ЛДА А. Осипов и другие²⁰².

подавляющее большинство служителей культов в настоящее время занимает лояльные позиции по отношению к Советской власти. Однако среди духовенства и руководителей объединений, отмечают авторы, и сегодня имеются отдельные представители, выступающие против социалистических порядков²⁰³.

Авторы дают и те рекомендации, которыми должны руководствоваться партийные и советские работники на местах по отношению к религии и церкви. «Административный нажим в делах веры способен лишь затруднить отмирание религии. Однако отдельные организаторы атеистической пропаганды вместо развертывания систематической работы по атеистическому воспитанию запрещают совершать обряды и отправлять религиозные потребности. Имеют место случаи незаконного отказа в регистрации и снятия с учета религиозных обществ, административное вмешательство в деятельность религиозных объединений, необоснованном увольнении верующих с работы. Разумеется, такие действия поскольку они ущемляют законные права верующих, терпимы быть не могут. Книжка пестрит многочисленными ссылками на доклад Л. И. Брежнева на XXIV съезде КПСС.

Требования исполнения гражданских обязанностей вне зависимости от веры или безверия предъявляются не только в социалистических странах. Наше законодательство является подлинно гуманным и человечным. Свобода совести в СССР гарантируются социалистическим общественным и государственным строем, полным отделением церкви от государства и школы от церкви. В отличие от буржуазных государств законодательство о религиозных культах в СССР носит подлинно демократический характер²⁰⁴.

---

²⁰¹ Иванов А. И., Лобазов П. К. Политика Советского государства по вопросам религии и церкви. М.: «Знание». 1973. С. 37.

²⁰² Там же. С. 38.

²⁰³ Там же. С. 57.

²⁰⁴ Там же. С. 64.

Чем было вызвано появление двух упомянутых выше работ А. И. Иванова? Скорее всего, это был компромисс с властями: «забывается» его прошлое, а в ответ на это он издает под своим именем две небольшие работы, в которых грамотно в расчете на широкую аудиторию верующих излагает основы законодательства в отношении религии и церкви. Ну, а то, что подобные А. И. Иванову грамотные интерпретаторы были нужны государству, сомневаться не приходится.

С другой стороны, не приходится сомневаться и в том, что издание двух этих работ не только не подорвало авторитет профессора А. И. Иванова среди священников Русской Православной Церкви, но и было понято клиром, который сохранил с Алексеем Ивановичем самые добрые и теплые отношения. Случай с «расстригой» профессором Осиповым, который был предан РПЦ анафеме, был совсем из другой серии.

Но эти работы, написанные, скорее всего, по заказу, никак не отражали его научные интересы. Совсем иное дело – научная монография (практически последняя) Алексея Ивановича о Максиме Греке, написанная им уже на пенсии²⁰⁵. В ходе написания этой монографии автором была проделана огромная поисковая и источниковедческая работа. Им были обнаружены и изучены рукописные тексты из фондов РГБ, ГИМ, РНБ (СПб) и БАН (СПб).

Что касается библиографии литературных трудов Максима Грека, то автор делит её на: а) переводные труды, труды по грамматике и лексикографии; б) догматико-полемиические сочинения; в) сочинения, направленные против астрологии, апокрифов и разных суеверий; г) сочинения нравоучительные; д) сочинения публицистического характера; е) сочинения автобиографического содержания; ж) толковательные статьи и сказания по разным недоуменным вопросам богословского, церковно-обрядового и бытового характера; з) церковно-исторические сочинения.

В литературе о Максиме Греке, как отечественной, так и зарубежной, высказывались неоднократно сожаления, что литературное наследие этого выдающегося русского писателя XVI в., в значительной своей части не выявлено и не изучено. Многие из его сочинений до сих пор не изданы, а хронология и обстоятельства написания большинства изданных неизвестны.

---

²⁰⁵ Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969.

Слабо выявлены источники, которые легли в основу целого ряда сочинений Максима Грека, что затрудняет их справедливую оценку. Изданные в начале 1860-х гг. прошлого столетия Казанской Духовной Академией собрания сочинений Максима Грека в 3-х частях являются, по единодушному признанию исследователей, неудовлетворительным, как в виду его неполноты, так и в научно-критическом отношении. Оно охватывает лишь около трети творчества Максима Грека и построено на нескольких недостаточно авторитетных списках XVII в. без привлечения более древних и важных рукописей.

...

Вполне понятно, что необходимость полного и научно-комментированного выявления литературного наследия Максима Грека осознавалась всеми учеными, т.к. без такого выявления не представляется возможным не только дать исчерпывающую характеристику этого крупного культурно-исторического деятеля, но и выносить определенные суждения по многочисленным отдельным вопросам, связанным с его жизнью и деятельностью. Предлагаемый А. И. Ивановым библиографический очерк литературных трудов Максима Грека имел целью по мере возможности восполнить существующий до сих пор источниковедческий пробел. И что нас не может не удивить: эта работа была предпринята Алексеем Ивановичем по совету чл.-корреспондента АН СССР Д. С. Лихачева! В данном очерке автором было с максимальной полнотой установлено все, что сохранилось из литературного наследия Максима Грека в рукописных источниках и разбросано в различных печатных изданиях. Всего мы перечисляем 365 произведений Максима Грека, из которых 164 являются неизданными.

В предисловии к своей работе автор приносит глубокую благодарность научным сотрудникам Сектора древней русской литературы Института истории русской литературы АН СССР Ю. К. Бегунову и О. А. Белобровой²⁰⁶.

Свое изложение А. И. Иванов начинает с прибытия Максима на Русь. Он сам оказался во всеоружии не только византийской, но и западноевропейской образовательной эпохи Возрождения. В его лице русские люди встретили ученого-энциклопедиста, который мог дать ответы на самые разнообразные вопросы жизни и книжной мудрости, волновавшие тогдашнее

---

²⁰⁶ Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969. С. 4.

русское общество²⁰⁷. Свою молодость Максима Грека провел в Италии, где он на протяжении 13 лет под своим мирским именем Михаила Триволиса слушал лекции лучших профессоров в университетах Болоньи, Падуи, Милана, Флоренции. Все это не могло не отразиться на его мировоззрении. По мнению автора, Максим Грек был гуманистом в тогдашнем итальянском смысле²⁰⁸.

Очутившись в России, Максим Грек выступил с критикой отрицательных сторон русской культуры того времени (малограмотности, суеверий и т.д.) и всех тех вопиющих беспорядков и несправедливостей, которые наблюдались как в государственной и церковной, так и в социальной жизни русского общества.

К каждому из поименных сочинений Максима Грека была дана краткая аннотация, в которой кратко излагалось содержание сочинений и обстоятельства его написания. В своих трудах Максим Грек затрагивает весьма широкий круг вопросов, с которыми приходится сталкиваться изучающим русскую историю и литературу XVI в. и многие из которых до сих пор не получили должного освещения. Так, в его сочинениях можно встретить высказывания о государстве и церковно-монастырском имуществе, о феодальной эксплуатации крестьян, о рационалистических движениях на Руси XVI в., ереси т.н. «жидовствующих», о проникновении на Русь протестантизма, о состоянии просвещения, о взаимоотношениях Москвы с католическим Западом, греческим Востоком и магометанским миром, о падении нравов среди духовенства и монашества, о деятельности целого ряда представителей русского общества первой половины XVI в. и о многих других вопросах русской общественной и культурной жизни того времени²⁰⁹. Данная работа характеризует Алексея Ивановича как блестящего историка-источниковеда и филолога.

В последние годы жизни А. А. Иванов работал над статьей о Дионисии Ареопагите, но к сожалению, она осталась не завершенной²¹⁰.

---

²⁰⁷ Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969. С. 5.

²⁰⁸ Там же. С.6.

²⁰⁹ Там же. С.215–216.

²¹⁰ Бронский В. Профессор Алексей Иванович Иванов [некролог] // Журнал Московской Патриархии, 1977, № 11. С. 26.

Несмотря на то, что вплоть до самой смерти Алексей Иванович сохранял живой ясный ум и хорошую память, возраст давал о себе знать. Интенсивная научная работа, составлявшая неотъемлемую часть его жизни, начала отражаться на его зрении: у него прогрессировала катаракта, вследствие чего Ректорат Духовной Академии ходатайствовал перед руководством Военно-Медицинской академии о консультации для А. И. Иванова по случаю развития у него катаракты. Однако в начале 1970-х годов уровень развития офтальмологии был не настолько высок, чтобы вылечить от катаракты 80-летнего старика. За два года до смерти Алексей Иванович практически лишился зрения, но своих научных штудий не оставил: его верным помощником стала супруга Варвара Дмитриевна, которой он диктовал свои работы.

Однако в 1975 г. он лишился и этого незаменимого помощника: Варвара Дмитриевна, с которой он прожил почти 54 года, ушла из жизни.

О последних месяцах жизни Алексея Ивановича нам, к сожалению, ничего неизвестно. Сам он ушел из жизни 4 октября 1976 года, а на следующий день, 5 октября «в академическом храме во имя апостола Иоанна Златоуста были совершены заупокойная литургия и погребение почившего. Литургию отслужил ректор епископ Выборгский Кирилл. Перед отпеванием Владыка Кирилл произнес надгробное слово о жизненном пути профессора А. И. Иванова»²¹¹. Последний свой приют Алексей Иванович нашел на Киневеевском кладбище Санкт-Петербурга.

---

²¹¹ Бронский В. Профессор Алексей Иванович Иванов [некролог] // Журнал Московской Патриархии, 1977, № 11. С. 26.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели жизнь и научную деятельность человека удивительной судьбы – Алексея Ивановича Иванова. Добавим: человека очень трудной судьбы, который, преодолев все её сложные зигзаги, оставил свой след в исторической науке. Его судьба – также и пример того, как человек, преодолев все свои жизненные трудности, в конце концов обрел себя и вернул себе доброе имя. Но это имя надолго оказалось забытым среди историков и краеведов (но к чести сказать, не историков церкви). Даже сегодня имя заведующего кафедрой Всеобщей истории Ростовского Педагогического института профессора А. И. Иванова практически неизвестно среди ростовских коллег-историков.

Возможно, кто-то и сегодня попеняет автору на то, что он обратился к образу ученого-коллаборациониста, который сознательно пошел на службу к немецким оккупантам. Предвидя возможные обвинения, ответим, что нами, в первую очередь, двигало стремление понять этого человека, уяснить мотивы его поступков и поведения. Параллельно мы старались показать, насколько сложной была эпоха, в которую он жил и писал.

Воссоздать образ человека и историка – значит вернуть из небытия и его труды, которые сегодня оказались практически забыты. Жизнь распорядилась так, что этому человеку трижды было суждено менять свои научные интересы и соответственно – тематику своих исследований. И зачастую происходило это отнюдь не добровольно, а ввиду изменяющихся жизненных обстоятельств.

Как-то в личной беседе со мной неоднократно упоминаемая в книге Ксения Михайловна Антич тонко подметила, что большую часть своей жизни А. И. Иванов прожил в страхе. В страхе перед возможным арестом, который мог произойти в любой момент, в страхе за свою семью. Пережив неожиданный арест в 1931 г., от этого страха он уже не мог освободиться

всю свою жизнь. Работая в Ростовском Педагогическом институте и занимая солидную должность заведующего кафедрой, и здесь в 1937–1938 гг. он воочию наблюдал за репрессиями против своих коллег. И это снова вселяло страх за свою судьбу и судьбу близких. А состояние страха вызывало желание достичь безопасности и свободы. От кого бы она не исходила.

Алексей Иванович был человеком глубоко верующим, и эта вера порой придавала ему силы. Не может не удивить содержащаяся в протоколе допроса в МГБ фраза «...виновным себя полностью не признал...». А в стенах ОГПУ-НКВД-МГБ «ломались» не такие люди и, как им казалось, спасая свои жизни, признавались даже в том, чего не совершали. Но А. И. Иванов этого не сделал. Почему? Потому, что в результате либерализации режима, наступившей после Великой Отечественной войны, 56-летнего ученого избавили от практиковавшихся ранее пыток и истязаний? Или как верующий человек, он твердо решил не грешить против истины? А, может, и то, и другое? Едва ли мы теперь узнаем точный ответ на этот вопрос.

Как изменение политической обстановки в стране, так и перемена места жительства – зачастую вынужденная – неизбежно приводили к изменению тематики исследований. В самом начале Санкт-Петербург и проблемы теологии; затем Владимир – проблемы краеведения, местной археологии и музееведения; далее Ростов-на-Дону – социально-экономическое и национально-освободительное движение на Северном Кавказе в 60–70-е гг. XIX века; снова Ленинград – История Византийской церкви. И каждый раз разработка абсолютно новой темы требовала поиска и использования неопубликованных ранее источников и изучения новой литературы.

Не может не удивлять перечень его научных степеней: кандидат исторических наук, магистр богословия, доктор церковной истории²¹²

Отсидев положенный ему срок, Алексей Иванович нашел себя. И в этом ему снова помогла вера. И не только вера, но и его старые связи с РПЦ и её иерархами, – его однокурсниками по Духовной Академии, некоторые из которых успели к тому времени достичь высоких постов.

Казалось, в Петербургской Духовной Академии Алексей Иванович обрел достойное место работы, возможность для занятия наукой, крышу над

---

²¹² АСПБДА. Д.1335. Личное дело профессора А. И. Иванова. Л. 4.

головой, и главное – покой. Здесь, наконец, в 70-летнем возрасте ему удалось защитить докторскую диссертацию (хотя по иной теме и совсем по другой специальности). Но, как мы увидели, счастье его продлилось недолго.

По всей вероятности, после отбытия срока заключения А. И. Иванов постоянно находился под пристальным вниманием органов безопасности. И органы МГБ всегда имели рычаги воздействия на постоянно живущего в страхе перед возможным арестом ученого.

Он всегда писал. И писал вплоть до конца своих дней.

Такой человек не может быть не понят нами. Можно надеяться, что поймут его другие читатели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакулина Н. В. Пасмурные дни (1933–1953 гг.) // Донской временник. Год 2006. Ростов-на-Дону, 2005. С. 70–89.
2. Бронский В. Профессор А. И. Иванов [Некролог] // ЖМП, 1977, № 11. С. 25–26.
3. Владимиров Н., Кузини В. В «святых» тенетах гибнет человек // Смена, 31 января, 1961, № 26.
4. Карпук Д. А. Педагогическая и научно-исследовательская деятельность профессора А. И. Иванова в Ленинградской Духовной Академии и семинарии // Христианское чтение, 2016, № 5. С. 223–244.
5. Максимова Н. Д. Первый директор Владимирского музея // Рождественский сборник. Вып.3. 1996. С.108–111.
6. Сухова Н. Ю. Представители духовной школы в Русском Археологическом институте в Константинополе // Научные проблемы гуманитарных исследований, 2009, № 10. С. 105–111.
7. Экземплярский П. Узвязка истории с современностью «по-владимирски» // Против вредительства в краеведческой литературе / ред. Н. Рубинштейн и М. Зеленский. Иваново-Вознесенск, 1931. С.38–40.

СПИСОК ТРУДОВ А. И. ИВАНОВА

1. Иванов А. И. Епископ Владимирский Павел (1763–1769) // Владимирские епархиальные ведомости, 1910.
2. Иванов А. И. Крестьянское движение во Владимирской губернии в 1905–1906 гг. Владимир: изд-во Т-ва «Владимирское книгоиздательство», 1923. 65 с.

3. Иванов А. И. Профессиональный союз работников просвещения Владимирской губернии. Владимир: «Владимирское Книгоиздательство», 1924. 68 с.
4. Иванов А. И. Крестьянское движение во Владимирской губернии в к.ХVIII века. Владимир: «Владимирское книжное издательство», 1924. 20 с.
5. Иванов А. И. Пустошенский могильник. Раскопки в с. Пустоши Судогского уезда Владимирской губернии. Владимир: «Призыв», 1925. 22 с.
6. Иванов А. И. Музейное дело во Владимирской губернии за время революции и его ближайшие задачи // Труды 2-й Конференции по изучению производительных сил Владимирской губернии 1–6 ноября, 1925 г. Владимир, 1926. С.1–22.
7. Иванов А. И. Кляземский городок, бывший удельный городок Страдуб. Владимир: «Прибой», 1926. 17 с.
8. Иванов А. И. Города Владимир на Клязьме. Краткий краеведческий очерк с приложением плана города. Владимир: «Призыв», 1927. 76 с.
9. Иванов А. И. Город Ковров в прошлом и настоящем. Ковров: изд-во Ковровского уисполкома, 1928. 87 с.
10. Иванов А. И. Забытое производство. Очерк изразцовой промышленности Владимирского края. Владимир: Изд-е Владимирского Окружного Бюро краеведения и Окружного историко-краеведческого музея. Владимир, 1930. 56 с.
11. Иванов А. И. Горская контрреволюция и интервенты // Красный архив, 1935, № 6. С.125–128.
12. Иванов А. И. Из истории чеченского народа // Исторический журнал, 1937, № 12. С. 53–65.
13. Иванов А. И. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания Царской Россией // Исторический журнал, 1940, № 2. С. 62–72.
14. Иванов А. И. Восстание в Чечне в 1877 г. // Исторические записки АН СССР. 1941. Т.Х. С. 280–294.
15. Иванов А. И. Национально-освободительное движение в Чечне и Дагестане в 60-70-х гг. XIX в. // Исторические записки АН СССР. 1941. Т. XII. С. 165–199.

16. Иванов А. И. Социально-экономическое положение Чечни и Дагестана в 60–70-х гг. XIX века // Ростовский-на-Дону Государственный Педагогический институт. Ученые записки исторического факультета / под ред. А. И. Иванова. Т. 1. 1941. С. 21–54.
17. Иванов А. И. История Средних веков. Ростов-на-Дону, 1941. Ч.1. Раннее средневековье. Вып.1. Кризис рабовладельческого строя.
18. Иванов А. И. Древни кельты, германцы и славяне. Вып.2 Ростов-на-Дону, 1941.
19. Иванов А. И. Западные славяне в 9–11 веках. Вып.5. Ростов-на-Дону, 1941.
20. Иванов А. И. Византия в V–XI вв. Арабы в VI–IX вв. Вып.6. Ростов-на-Дону, 1941.
19. Иванов А. И. Крестовые походы. Вып.7. Ростов-на-Дону, 1941.
20. Иванов А. И. Западная Европа в X–XV вв. Англия и Франция в XI–XV вв. Германия в XIII–XV в. Италия и папство в XIII–XV вв. Испания и Португалия. I–XV вв. Вып. 8. Ч. 2. Ростов-на-Дону, 1941.
21. Иванов А. И. Скандинавские страны в XI–XV вв. Вып. 9. Ростов-на-Дону, 1941.
22. Иванов А. И. Средневековая культура и зарождение буржуазной идеологии. Вып.10. Ростов-на-Дону, 1941.
23. Иванов А. И. Западная Европа в XVI – начале XVIII вв. Вып. 11. Генезис капитализма в Европе и великие географические открытия. Реформация и крестьянская война в Германии. Ч. 3. Ростов-на-Дону, 1941.
24. Иванов А. И. Италия, Испания и Нидерланды в XVI–XVIII вв. Англия в XVI–XVIII вв. Вып.12. Ростов-на-Дону, 1941.
25. Иванов А. И. Новая реконструкция греческого текста Нового Завета // ЖМНП, 1913, № 8.
26. Иванов А. И. Захват Константинополя латинянами // ЖМП, 1954, № 10.
27. Иванов А. И. Православие в Америке //ЖМП, 1955, № 1,3.
28. Иванов А. И. Новое критическое издание текста Нового Завета //ЖМП, 1956, № 3–5.
29. Иванов А. И. РПЦ и Православный Восток // ЖМП, 1956, № -7.

30. Иванов А. И. История Византийской церкви. Т. 1. От Константина Великого до отпадения Западной Церкви от Вселенской. Ч. 1. Докторская диссертация. Л., 1960.
31. Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография. Л.: «Наука», 1969. 248 с.
32. Иванов А. И. Социализм и свобода совести. М.: «Знание», 1972.
33. Иванов А. И., Лобазов П. К. Политика Советского государства по вопросам религии и церкви. М.: «Знание», 1973.

На коллективном фото: Археологическая экспедиция на Нижне-Гниловском поселении (лето 1939 г.) Слева направо сидят: на руках у Варвары Дмитриевны Ивановой – дочь М. А. Миллера К. М. Миллер (впоследствии Антич), 4-й М. А. Миллер, 6-й – А. И. Иванов

Автор книги С. С. Казаров со своей супругой Н. А. Казаровой в гостях у Ксении Михайловны Антич дома в Мюнхене (август 2011 г.)

Научное издание

КАЗАРОВ Саркис Суренович

**ПРОФЕССОР РОСТОВСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ИВАНОВ:
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО**

Монография

Подписано в печать 25.01.2019 г.

Бумага офсетная. Формат 60×84 ¹/₁₆. Усл. печ. лист. 5,58.

Уч. изд. л. 4,87. Заказ № 6924. Тираж 100 экз.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.